

Развод в 45. Бабник с воза - счастье в дом!

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

**Развод в 45. Бабник с
воза - счастье в дом!**

«Литнет»

2026

Весёлая И.

Развод в 45. Бабник с воза - счастье в дом! / И. Весёлая —
«Литнет», 2026

— Эдик, ты ничего не хочешь мне сказать? — я стояла на пороге, глядя на то, как мой муж — человек, которому я посвятила двадцать пять лет, — растерянно жуёт утренний бутерброд. — Ника, ну перестань устраивать сцены! Это просто... ну, так вышло. Ты же мудрая женщина, ты поймешь, — пробормотал он, даже не пытаясь прикрыть наглую девицу в моем халате, которая с вызовом смотрела на меня из-за его спины. «Мудрая женщина». Эти слова стали последним, что я слышала от него как от мужа. Я думала, у нас идеальный брак, бизнес и планы на будущее. Оказалось, я двадцать пять лет жила с приживалой, который считал меня своей «удобной привычкой». Что ж, Эдик, игра окончена. Я выставила их обоих. Без копейки, без прав на мой санаторий и без права на жалость. Теперь он — «менеджер по продажам гнилых персиков» в подчинении у очень строгой хозяйки рынка. А я? Я начинаю новую жизнь. И в этой жизни рядом со мной будет мужчина, который умеет ценить не только мой бизнес, но и меня саму. В этой истории: — Месть, которая подается холодной (и очень смешной). — Падение «короля жизни» до уровня продавца овощей. — Настоящий мужчина, который не обещает, а делает. — Никаких соплей и попыток вернуть предателя. Только чистый триумф! 45 лет — это не возраст для грусти. Это возраст, когда ты наконец-то понимаешь, что лишних нужно выкидывать из жизни без сожалений!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4(Эдуард)	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7(Эдуард)	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Первое, что я почувствовала, открыв глаза — это запах. Тяжелый, пьянящий аромат южных роз сорта «Кримсон Глори», которые еще вчера, на нашем юбилее, заполнили каждый угол особняка. Они стояли в массивных напольных вазах, в хрустале, в глиняных кувшинах, привезенных Эдуардом из его поездок. Казалось, дом превратился в частный ботанический сад, где каждый лепесток был пропитан торжеством наших двадцати пяти лет.

Я медленно потянулась, чувствуя приятную тяжесть в конечностях. Вчерашний банкет прошел безупречно. Я до сих пор помнила, как в свете софитов ресторана «Лазурный берег» ловились восхищенные взгляды моих подруг, когда Эдуард, в своем безупречном темно-синем костюме, сжимал мою ладонь и произносил тост. Он говорил о «несокрушимой крепости», о наших общих свершениях, о санатории «Морская жемчужина», который мы с ним, как он выразился, «вытащили из грязи в князи». Тогда, глядя в его глаза — светлые, искренние, отражающие блики свечей — я была уверена, что это и есть предел мечтаний любой женщины. Успешный бизнес, дом, полная чаша и мужчина, который за четверть века не утратил ко мне интереса.

Я откинула тяжелое атласное одеяло и вышла на террасу. Южное солнце уже успело разогреть мраморные плиты, и от них исходило мягкое, живое тепло. Море внизу, у подножия нашего поселка, было спокойным, цвета незрелой бирюзы. Вдыхая этот воздух — смесь морской соли и сладости роз, — я чувствовала себя абсолютно, непоколебимо защищенной.

Эдуарда в кровати не было. Наверное, снова на своей утренней пробежке. Он всегда был помешан на дисциплине, и именно эта его черта когда-то пленила меня, еще студентку-медика, которая едва сводила концы с концами. А потом появился он: амбициозный, жесткий, знающий, чего хочет. Мой отец, увидев в нем этот огонь, помог нам с первым стартовым капиталом. Эдуард превратил эти деньги в «Жемчужину», а я... я стала той, кто обеспечивал этому бизнесу душу и безупречную репутацию.

Вернувшись в спальню, я накинула шелковый халат цвета слоновой кости и спустилась вниз. Дом жил своей жизнью: в холле было прохладно, а на большом дубовом столе стоял фарфоровый сервиз.

— Доброе утро, хозяйка, — Эдуард возник из кабинета, словно материализовался из воздуха.

Он был уже при полном параде: в свежей белоснежной рубашке, с засученными до локтей рукавами, демонстрируя загорелые предплечья. В руках он держал поднос с кофе. Это был наш ритуал — даже в самые напряженные дни мы находили десять минут, чтобы обсудить главные новости дня.

— Ты сегодня рано, — я улыбнулась, садясь за стол.

— Планов громадье, Ник. Мы вчера с инвесторами обсудили расширение спа-корпуса. Если всё пойдет по графику, к следующему сезону мы выйдем на совершенно новый уровень, — он поставил передо мной чашку, и я услышала характерный звон дорогого фарфора. — Ты — наш мозг, без твоих медицинских протоколов этот корпус будет просто набором красивых стен.

Он наклонился и коснулся губами моего виска. Его кожа пахла дорогим парфюмом и легким оттенком цитрусовых. Это был запах успеха. Эдуард отошел к окну, вглядываясь в горизонт, и я залюбовалась им. Он был моим достижением, моим партнером, моим тылом. В его движениях не было ни грамма фальши, ни намек на беспокойство.

— Поедем сегодня в санаторий вместе? — спросила я, делая глоток кофе. — Мне нужно подписать смету на закупку оборудования для процедурных.

— Конечно, дорогая. Давай только немного позже? У меня пара звонков по логистике, встретимся там в одиннадцать. Не перетруждайся, ладно? Ты вчера была звездой вечера, отдохни немного.

Я с благодарностью кивнула. Это была наша жизнь — отлаженная, как механизм швейцарских часов. Никаких сбоев, никаких лишних вопросов.

Через час я уже сидела в своей машине, направляясь в клинику. Дорога петляла вдоль береговой линии, и я, переключая радиостанции, поймала себя на том, что напеваю какую-то легкую мелодию. Я чувствовала невероятный прилив сил. Мне сорок пять, у меня за плечами огромный багаж знаний, собственная клиника, репутация лучшего врача в регионе, и рядом — мужчина, который любит меня не меньше, чем в день нашей свадьбы.

Подъехав к главному входу санатория «Морская жемчужина», я почувствовала привычный трепет. Белоснежный корпус, возвышающийся над скалой, всегда казался мне воплощением моей мечты. Персонал вытянулся по струнке при моем появлении. Это было приятно, но я всегда стремилась быть не просто «властной хозяйкой», а человеком, который знает каждую деталь процесса.

Я прошла через холл, отмечая идеальную чистоту мрамора. Мой взгляд непроизвольно задержался на зоне отдыха для VIP-пациентов. В глубоком кожаном кресле сидел мужчина. Он не читал книгу, как обычно, а смотрел прямо перед собой, в сторону панорамного окна. Глеб. Его я помнила — он поступил к нам неделю назад после серьезной операции на позвоночнике. Высокий, с резкими чертами лица, которые казались высеченными из гранита. Он был немногословен, держался особняком, и даже сквозь халат проглядывала его военная выправка.

Наши взгляды встретились. Я лишь на секунду задержалась, чтобы кивнуть ему — простая вежливость главного врача, но Глеб не ответил кивком. Он просто смотрел. Долго, изучающе, так, словно пытался разгадать не медицинский диагноз, а что-то, скрытое гораздо глубже. В этом взгляде было нечто такое, что заставило меня почувствовать себя неуютно, словно он видел меня насквозь. Я чуть ускорила шаг, чувствуя, как внутри неприятно кольнуло.

В кабинете меня ждала стопка бумаг. Весь день прошел в привычном ритме: осмотры, планерки, обсуждение протоколов. Я была в своей стихии. Мои сотрудники ценили меня за строгость, а пациенты — за результат. Я чувствовала себя абсолютно реализованной женщиной. Обед прошел на бегу, в компании главного бухгалтера, обсуждавшей новые налоги. Никаких предчувствий. Никакой тревоги.

Ближе к вечеру я вспомнила, что Эдуард так и не приехал в санаторий. Я набрала его номер, но ответом были длинные гудки. Потом еще раз. Наконец, он взял трубку, и я услышала шум дороги — возможно, он был в машине.

— Эдик? Ты где? Мы же планировали встретиться.

— Ник, прости, — его голос звучал мягко, виновато, — проект по логистике оказался сложнее, чем я думал. Пришлось ехать на склад, тут связи почти нет. Давай встретимся дома? Приготовь нам что-нибудь легкое, я соскучился.

— Хорошо, — я улыбнулась, сжимая в руке ручку. — Я закажу морепродукты, сделаю наш любимый салат.

— Сделай, родная. Буду через пару часов. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я повесила трубку, чувствуя, как на душе стало еще теплее. Сюрприз. Он обещал сюрприз еще утром. Может быть, он хочет устроить нам романтический ужин в честь юбилея, о котором мы тогда, в суете, забыли?

Я вышла из санатория, когда солнце уже начало садиться за горизонт, окрашивая море в глубокий янтарный цвет. Город казался мне уютным, почти домашним. Я заехала в фермерскую лавку, купила свежих устриц и бутылку того самого белого вина, которое мы пили на нашей свадьбе.

Вернувшись в дом, я с наслаждением впустила в него вечернюю прохладу. В холле было всё так же тихо. Я зажгла свечи, расставила бокалы. Мне хотелось, чтобы этот вечер стал продолжением вчерашнего праздника. Я выбрала платье из черного шелка, которое Эдуард обо-жал, подчеркивающее мою фигуру. Я чувствовала себя молодой, желанной и, что важнее всего, уверенной в завтрашнем дне.

Время тянулось медленно. Восемь вечера. Девять. Десять.

Я налила себе бокал вина и вышла на террасу. Огни города отражались в воде, напоминая россыпь рассыпанных звезд. Эдуард не звонил. Телефон лежал на столе молчаливым черным брусом.

«Наверное, в дороге нет сети», — подумала я, делая глоток. Вино было терпким, остав-ляющим на языке приятное послевкусие. Я не нервничала. Я знала своего мужа — он никогда не опаздывал без причины. Если он задерживается, значит, это действительно важно. Значит, он работает на наше будущее.

Я перешла в гостиную и включила музыку — негромкий джаз, который мы оба так любили. Я села на диван, прикрыв глаза, и представила, как сейчас он войдет, извиняясь за задержку, как обнимет меня со спины, и мы наконец-то побудем вдвоем. Без гостей, без тостов, без этого бесконечного «санаторного» пафоса.

Время перевалило за полночь, когда я услышала характерный гул мотора, въезжающего в ворота. Я сразу узнала звук нашего внедорожника. Эдуард вернулся.

В сердце мгновенно вспыхнула радость, простая, почти детская. Я быстро поправила волосы, взглянула в зеркало и, стараясь выглядеть не слишком уж ожидающей, направилась в прихожую. Дверь открылась, и на порог шагнул он. Мой муж.

Он выглядел немного уставшим, но от него всё так же веяло уверенностью. При виде меня он широко улыбнулся, и эта улыбка — та самая, что покорила меня четверть века назад — мгновенно стерла всю мою ночную тревогу.

— Ну, вот и я, — он подошел, легко подхватил меня за талию и притянул к себе. — Про-сти, родная, это была сушая пытка. Инвесторы оказались редкостными занудами, пришлось три часа обсуждать детали логистики.

Я уткнулась носом в его плечо, чувствуя привычный, знакомый до каждой нотки аромат. Эдуард целовал меня в макушку, и в этот момент я была счастлива. Господи, как же легко я купилась на его слова!

— Я так ждала, — прошептала я, чувствуя себя глупой девчонкой. — Накрыла стол, хотела устроить нам тихий вечер...

— Ника, ты чудо, — он отстранился, его глаза светились мягким светом. — Давай всё на потом? Я валюсь с ног, честное слово. Завтра утром всё обсудим, я обещаю. У меня есть идеи, как сделать «Жемчужину» еще прибыльнее, ты будешь в восторге.

Он поцеловал меня — коротко, по-хозяйски — и направился в спальню, даже не взглянув на потухшие свечи и накрытый для романтического ужина стол. Я смотрела ему вслед, чувствуя странный укол в груди, но тут же отмахнулась от него. Работа. Инвесторы. Всё правильно. У нас с ним было общее дело, общие цели, общая империя. Я была его «мозгом», он — «лицом». И нас обоих это устраивало.

В эту минуту Эдуард был абсолютно, кристально честен в своем ощущении комфорта. Он действительно не собирался ничего менять. Зачем? У него была жена, на плечи которой можно было свалить всё управление клиникой, была репутация успешного бизнесмена и была та... другая, которая давала ему ощущение легкости и молодости. Он искренне полагал, что его жизнь — это безупречный пазл, где каждый кусочек на своем месте.

Я выключила музыку и задула последние огарки свечей. Дом погрузился в сон. Я подня-лась в спальню, где Эдуард уже спокойно посапывал, укутавшись в одеяло. Он спал сном мла-

денца — человека, который не чувствует за собой никакой вины, потому что искренне считает, что заслужил всё это «двойное счастье».

Я легла рядом, прижалась к его спине и почувствовала, как покой возвращается в моё сердце. Я не знала, что этот сон был последним по-настоящему спокойным сном в моей жизни.

Я не знала, что уже через несколько часов всё наше выверенное, идеальное существование превратится в прах. Завтрашнее утро не просто принесет новый день — оно принесет удар, который разрушит иллюзию, стоившую мне двадцати пяти лет жизни.

Эдуард еще не знал, что завтра он потеряет всё, а я... я еще не знала, что завтра стану той женщиной, которой суждено было стать.

Но пока... пока мы просто спали, и в этом доме, пропитанном ароматом увядающих роз, ещё не было слышно шагов нашей личной катастрофы.

Глава 2

Солнце еще не успело прогреть террасу, когда я спустилась на кухню. Воздух в доме казался мне невероятно прозрачным, напоенным ароматом чайных роз, которые мы высаживали вдоль южного фасада — тех самых, с крупными, налитыми соком бутонами цвета запекшейся крови. Я любила этот сорт, «Дабл Делайт», за их стойкость к нашему палящему солнцу и за то, как они выживали там, где другие цветы просто превращались в гербарий.

Эдуард уже ушел. Его место за столом пустовало, но осталась едва заметная вмятина на стуле, словно он только что встал. Я наполнила чашку ароматным зерновым кофе, наслаждаясь моментом. Впереди — насыщенный день, новые протоколы в санатории, бесконечные звонки. Я чувствовала себя так, словно жизнь, наконец, встала на те самые рельсы, по которым она должна была катиться всегда. Успех, признание, любовь — всё это было моим заслуженным вознаграждением.

Звонок в дверь пререзал эту идеальную гармонию, как лезвие скальпеля.

Я нахмурилась, глядя на экран видеодомофона. На мониторе кривлялась девушка. Слишком ярко накрашенная для десяти утра, в узком платье, которое больше подошло бы для ночного клуба, чем для частного поселка. Я не знала её имени, но безошибочно считала типаж.

Я нажала кнопку открытия, не раздумывая. Может, курьер? Или какая-то нелепая ошибка?

Когда я открыла дверь, девушка не стала ждать приглашения. Она шагнула в холл уверенным, по-хозяйски пружинистым шагом, пронеся с собой шлейф удушливого, сладковато-приторного парфюма, который мгновенно перебил аромат роз. Она окинула прихожую взглядом, в котором сквозило такое неприкрытое высокомерие, что у меня перехватило дыхание.

— Вероника Павловна, — она произнесла моё имя так, будто мы были старыми приятельницами, которые только что обсуждали планы на выходные. — Эдуард, конечно, мастер откладывать неприятные разговоры, но я пришла напомнить: у нас всё решено. Я здесь, чтобы забрать то, что принадлежит мне.

Я стояла, не шелохнувшись, чувствуя, как чашка в моих руках начинает слегка вибрировать от сжатых пальцев. В голове пульсировала одна-единственная мысль: «Кто она?».

— Вы ошиблись адресом, — мой голос прозвучал на удивление холодно.

— Адрес верный, Меня зовут Юля. — она усмехнулась, бесцеремонно проходя к гостиной. — Ваш муж обещал развестись еще месяц назад, но всё кормит меня завтраками. Пора заканчивать эту комедию. Мы с Эдиком любим друг друга, и я переезжаю.

В этот момент лестница скрипнула. Эдуард спускался вниз, на ходу поправляя манжеты рубашки. Увидев нас, он замер. Я видела, как его лицо, еще секунду назад спокойное, мгновенно пошло пятнами. Он не выглядел напуганным тем, что его жена увидела любовницу. Он выглядел злым. По-настоящему, раздраженно злым.

— Юля? Ты что здесь устроила? — его голос был низким, рычащим.

— Эдик, хватит! — она развернулась к нему, вскинув подбородок. — Я больше не буду ждать в прихожей, пока ты будешь делать вид, что у тебя всё еще есть жена.

Я переводила взгляд с одного на другого, и пазл, который вчера казался таким монолитным, внезапно рассыпался в пыль. Эдуард не выглядел удивленным её появлением. Он выглядел так, будто эта сцена — просто неприятная техническая накладка в его идеально выстроенном графике.

— Ника, это... — он сделал шаг ко мне, пытаясь изобразить на лице виноватую полуулыбку. — Это недоразумение. Эта девушка... она просто немного неуравновешенная. Я сейчас всё улажу.

— Неуравновешенная? — Юля рассмеялась, и в этом смехе было столько яда, что он, казалось, пропитал стены нашего дома. — Эдик, скажи ей прямо. Скажи, что ты каждый вечер проводишь со мной, а не с инвесторами и не на складе.

В холле воцарилась такая тишина, что было слышно, как бьется моё сердце. Каждое слово Юли падало на пол, как тяжелый камень. Я вспомнила его вчерашний взгляд. Его тост. Его клятвы. Двадцать пять лет. Четверть века лжи.

— Ника, послушай меня, — Эдуард снова попытался коснуться моего плеча, но я отшатнулась, словно от прокаженного. — Это всё... это просто бизнес. Она не понимает, как всё устроено. Я люблю тебя. А это... это просто способ разрядиться. Ты же мудрая женщина, ты же всё понимаешь, верно? Ты всегда была понимающей.

«Мудрая женщина». «Понимающая».

Эти слова стали последним, что я услышала от него как от человека, которого когда-то любила. В этот миг что-то внутри меня окончательно перегорело. Вся та нежность, которую я хранила, всё доверие, которое я строила, испарились, оставив после себя лишь холодную, острую, как лезвие скальпеля, ясность.

Он не был мужчиной, который оступился. Он был паразитом, который привык питаться моей энергией, моей карьерой и моим домом.

Я медленно подняла голову. Мои глаза, обычно выдающие мои эмоции, сейчас были абсолютно пустыми.

— Юля, — произнесла я, обращаясь к девушке, которая всё ещё с наглым видом осматривала мой интерьер. — Ты ошиблась в одном. Эдуард не собирался с тобой жить. Ты для него — способ «разрядиться», как он сам сказал. А я для него — способ оплаты его красивой жизни.

Юля на секунду осеклась, её уверенность пошатнулась, но она быстро взяла себя в руки.

— Ты врешь! Он...

— Эдик, — я перебила её, глядя прямо в лицо мужу. Он замер, ожидая истерики, скандала, слёз. Но я лишь сделала шаг к панели вызова охраны. — Десять минут.

— Ника, что ты... — он дернулся, его лицо окончательно приобрело сероватый оттенок.

— Десять минут, Эдуард, — мой голос прозвучал удивительно ровно, почти стерильно. — Десять минут на то, чтобы твой... мусор покинул этот дом. Собери свои чемоданы и вон из моей жизни. Мои охранники знают, что делать, если вы замешкаетесь. Они помогут упаковать твой багаж...

Эдуард дернулся, лицо его пошло пятнами. Он открыл рот, чтобы что-то возразить, но, встретившись взглядом с начальником охраны, лишь сжал челюсти. Юля, видя, что ситуация выходит из-под контроля, попыталась что-то выкрикнуть, но один лишь холодный, предупреждающий взгляд охранника заставил её захлебнуться собственным ядом.

— Вероника, ты совершаешь ошибку! — бросил Эдуард, когда охрана под локти направила их к выходу, после того как он успел собрать часть своих пожитков. — Ты потом приползешь за мной! Ты без меня — ничто!

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Замок шелкнул, отсекая шум их голосов, их претензий и ту жизнь, которая еще десять минут назад казалась мне незыблемой.

Я осталась стоять в центре холла. Вокруг царил оглушительная, давящая тишина. Сквозь стеклянные вставки входной двери я видела, как Эдуард заталкивает Юлю в машину, как резко газует, срываясь с места и поднимая облако пыли.

Я дождалась, пока шум мотора окончательно стихнет.

Мои руки, всё это время сжимавшие края халата, вдруг начали дрожать. Я не могла дышать — воздух в доме, казалось, стал разреженным, негодным для жизни. В груди открылась огромная, черная воронка, в которую с неимоверной скоростью проваливались наши двадцать пять лет. Первое свидание, наш переезд, запах свежей краски в первом доме, смех, наши разговоры по ночам, даже мелкие ссоры — всё это теперь казалось чудовищным обманом.

Я медленно опустилась на нижнюю ступеньку лестницы. Ноги стали ватными, не слушающимися.

«Двадцать пять лет», — прошептала я, но звук моего собственного голоса испугал меня. Он был хрупким, ломким, как тонкое стекло.

Глаза защипало. Я прижала ладони к лицу, чувствуя, как горячие, злые слезы прорываются наружу. Боже, как же больно. Как же чертовски больно внутри, там, где раньше было спокойное, размеренное сердце. Я не могла позволить им увидеть это. Я не могла позволить Эдуарду — пусть даже мысленно — представить, как я корчусь от боли на полу собственного дома.

Я вцепилась зубами в нижнюю губу, чувствуя вкус крови, лишь бы не выпустить наружу этот всхлип, готовый разорвать грудь. Я была хирургом. Я знала, что такое болевой шок. Сейчас я испытывала именно его: когда рана уже нанесена, а мозг еще отказывается верить в её глубину.

Я поднялась вверх, стараясь не опираться на перила — они казались мне теперь враждебными, холодными, как и всё в этом доме. В спальне я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела женщина с бледным лицом и растрепанными волосами. Её глаза, которые еще полчаса назад были полны уверенности, теперь были красными, а лицо казалось чужим, состарившимся на десяток лет.

Я легла на кровать, свернувшись калачиком, и прижала к себе подушку, на которой еще оставался едва уловимый запах его парфюма. Я ненавидела этот запах. Я ненавидела эту кровать. Я ненавидела каждую деталь этого интерьера, который так старательно выстраивала для нас двоих.

Мне хотелось кричать. Хотелось разнести этот дом в щепки, чтобы выплеснуть то удушающее чувство предательства, которое жгло меня изнутри. Но вместо этого я просто лежала, глядя в одну точку, и считала удары своего сердца.

Я не была сильной. Я была просто очень хорошо натренированной женщиной, которая умела прятать свою слабость за профессиональной маской. Но сейчас, в этой тишине, маска сползла.

Я поднялась, чувствуя, как холод пробирает до костей. Подошла к окну. Розы за окном по-прежнему цвели — кроваво-красные, наглые, не знающие, что их хозяйка только что пережила собственную смерть.

— Ничего, — прошептала я, стирая ладонью последнюю слезу. — Ничего.

Я не была готова к войне, как писали в книгах. Я была готова к операции. А в операции главное — не чувства хирурга. Главное — чистота разреза и быстрота действий.

Я открыла ноутбук. Экран ярко осветил комнату, высвечивая решимость, которая уже начала проступать сквозь боль. Эдуард думал, что я «приползу»? Что ж, он сильно ошибался. Сегодня я впервые за двадцать пять лет поняла: если я хочу выжить, мне нужно не просто избавиться от него. Мне нужно ампутировать всё, что напоминает мне о его присутствии.

И я сделаю это. Даже если ради этого мне придется вырезать из своей души самые лучшие воспоминания.

Глава 3

Свет утреннего солнца, пробивавшийся сквозь неплотно задернутые шторы, казался мне сегодня не теплым, а режущим. Я лежала, глядя на потолок, где едва заметные трещинки на лепнине складывались в причудливые карты несуществующих стран. Вчерашний вечер, с его ароматом роз и терпким вином, казался теперь декорацией к плохо срежиссированной пьесе.

Я села, ощущая, как гудит голова. Тело напоминало сплошной синяк, хотя я не ударялась — это был отклик нервной системы на вчерашний разрыв. Взгляд упал на прикроватную тумбочку: телефон лежал там, безжизненный и пугающий.

Сердце пропустило удар, когда я увидела уведомления. Дети.

Сын, Максим, прислал фото из аудитории в Питере — он там учится на архитектора. Дочь, Алина, отправила короткое видео из аэропорта Дубая — она работала в крупном пиар-агентстве и постоянно была в разъездах. Они были там, в своих красивых, успешных жизнях, и понятия не имели, что в их родительском доме прямо сейчас идет демонтаж фундамента.

Я открыла мессенджер. Пальцы зависли над экраном. Что написать? «Привет, дети, ваш отец оказался серийным изменщиком, и я его выставила на мороз»? Звучало как бред. Я набрала короткое: «У нас всё хорошо, просто небольшие перемены в работе. Обнимаю, скоро созвонимся». Нажала «отправить» и почувствовала, как по позвоночнику прошелся холодок. Это была первая ложь в нашей семье, и она обожгла хуже, чем кипяток.

Я поднялась. Нужно было приводить себя в порядок. В ванной, глядя на свои руки, я заметила, что они слегка подрагивают. Я умылась ледяной водой, долго терла щеки полотенцем, пока они не порозовели. Маска. Мне нужна была безупречная маска.

И тут что то пикнуло в телефоне.

.Я взяла телефон и увидела запоздалое сообщение, которое пришло от Эдуарда еще вчера вечером.

«Ника, это перебор. Верни хотя бы документы на собственность, которые лежат в нижнем ящике стола. Не веди себя как истеричка. Если не вернешь по-хорошему, я приеду с адвокатом и полицией. Подумай о Максе и Алине, им не нужны скандалы».

Я почувствовала, как в груди закипает не злость — ярость, холодная и острая. Он смел упоминать детей. Он, который вчера ночью был с той... девицей, сегодня угрожал мне их спокойствием.

«Адвокаты — отличная идея, — напечатала я в ответ. — Мой уже готовит иск о мошенничестве. Документы в безопасности, не трать силы на дорогу».

Я отложила телефон, не дожидаясь ответа. Нужно было ехать в санаторий. «Морская жемчужина» была моей гордостью, моим третьим ребенком, и я знала: стоит мне опустить руки, как Эдуард, используя свои связи и наше доверие, превратит её в руины.

Гардеробная встретила меня привычным порядком. Я выбрала строгий костюм глубокого чернильного цвета. Никаких украшений, кроме простых сережек-пусетов. Я собиралась не на праздник, а в зону боевых действий. Каждый предмет одежды был броней, каждый жест — выверенным движением.

Дорога до клиники заняла сорок минут. Я смотрела на мелькающие за окном олеандры, усыпанные ярко-розовыми соцветиями, и пыталась сосредоточиться на отчетах. Но мысли постоянно возвращались к Эдуарду. Сколько раз он звонил мне из постели той девицы, когда говорил, что у него «важная встреча»? Сколько раз я засыпала в ожидании его, а он в это время...

На парковке у санатория было непривычно много машин. Когда я вышла, на меня тут же устремились взгляды: охранник у ворот, администратор на ресепшене, врач из соседнего

кабинета. Они знали. В таких местах, как наш поселок, слухи распространяются быстрее, чем лесные пожары.

Я прошла мимо них, держа голову прямо. Мой взгляд был сфокусирован на стеклянных дверях центрального входа.

В холле меня встретил отец. Он стоял у окна, глядя на море, и по тому, как напряжена была его спина, я поняла: он уже в курсе.

— Ника, — он обернулся. Его лицо было серым, а глубокие морщины вокруг глаз — еще резче, чем обычно. — Мне уже доложили. Про кражу документов.

— Привет, пап, — я подошла к нему, пытаюсь улыбнуться, но губы не слушались.

— Я не думал, что он настолько ничтожен, — отец положил тяжелую руку мне на плечо. В его глазах читалась не жалость, а холодная ярость. — Я видел, как он подписывал бумаги два года назад. Я видел, как он клялся, что «Жемчужина» — это ваша общая жизнь. Теперь я вижу, что это была жизнь только для него.

— Он прислал смс, угрожал полицией, — я сглотнула комок в горле. — Он хочет документы обратно.

— Пусть попробует, — отец сжал челюсть. — У меня в сейфе лежат оригиналы доверенностей. Он не получит ни метра этой земли. Но слушай меня внимательно, Вероника. Он знает, как устроена наша бухгалтерия. Он знает слабые места. Он будет бить не по тебе, он будет бить по отчетности.

Я кивнула. Это было логично. Эдуард не умел строить, он умел только приспосабливаться к тому, что уже было создано.

— Мне нужно проверить счета, — сказала я, чувствуя, как внутри мобилизуются последние резервы сил. — Все до единого.

Отец кивнул и отошел в сторону, давая мне дорогу. Я направилась в кабинет бухгалтерии, чувствуя на себе взгляды всего персонала. «Вероника Павловна держится», «Она сильная», — слышала я обрывки фраз.

В кабинете бухгалтера, Инны, пахло старой бумагой и дешевым освежителем воздуха. Инна, женщина с тяжелым взглядом и вечно поджатыми губами, ждала меня. Она работала с нами с самого первого дня.

— Вероника Павловна, — она поднялась, не скрывая тревоги. — Произошло кое-что... неприятное. Эдуард Викторович около часа назад заблокировал доступ к одному из целевых счетов.

— К какому именно? — я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— К тому, на который мы переводили оплату обучения Максима и Алины за следующий семестр. Он перевел остаток средств на какой-то личный криптокошелек.

Я застыла. Это был не просто финансовый ход. Это был удар по детям. Он прекрасно знал, что для меня важно их образование. Он знал, что я сделаю всё, чтобы у них не было проблем.

— Инна, приготовь мне всю выписку по этому счету за последние полгода, — мой голос прозвучал так тихо, что бухгалтер даже не сразу поняла, что я сказала.

— Вероника Павловна, это ведь...

— Сделайте, — отрезала я.

Я вышла из бухгалтерии, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно ломается. Эдуард перешел черту. Он не просто предал меня как жену — он предал своих детей. Он превратил нашу семейную жизнь в инструмент давления.

Я остановилась в коридоре, глядя на свои отражения в зеркальной стене. Я видела женщину, которая выглядела идеально. Костюм был безупречен, прическа — волосок к волоску. Но внутри... внутри всё было выжжено дотла.

Эдуард думал, что я приползу?

Я посмотрела на свой телефон. Он лежал в моей руке — холодный, тяжелый, мой единственный инструмент управления этим миром.

Он хочет войны? Что ж, он её получит.

Я набрала номер адвоката.

— Александр Сергеевич, — сказала я, как только он взял трубку. — Нам нужно встретиться.

В этот момент я поняла: пути назад нет. Двадцать пять лет общего прошлого были для меня мертвым грузом, который я только что сбросила в бездну. Впереди была только работа. Холодная, безжалостная работа по зачистке моей жизни от человека, чье имя я больше не имела права произносить вслух.

Я развернулась и пошла к выходу, игнорируя тишину, которая расступалась передо мной. Теперь я знала, что делать. И если для того, чтобы защитить моих детей и мою клинику, мне нужно будет сжечь Эдуарда до углей — я сделаю это, не дрогнув.

Санаторий продолжал жить своей жизнью, в палатах пахло хвоей и морем, а я шла вперед, чувствуя, как с каждым шагом внутри меня рождается что-то новое. Что-то, что не знало жалости, что-то, что было готово сражаться до конца. И пусть завтрашний день принесет новые проблемы, я была к ним готова.

Осколки нашего фундамента были теперь в моих руках. И я знала, как ими воспользоваться, чтобы разрезать Эдуарда на части.

Глава 4(Эдуард)

(от лица Эдуарда)

Такси остановилось с резким скрипом, от которого по кузову пробежала мелкая дрожь. Водитель, мужчина с обветренным лицом и неприязненным взглядом, молча дождался, пока мы вытащим чемоданы, и сорвался с места, обдав нас облаком едкой дорожной пыли.

Я стоял посреди разбитой проселочной дороги, чувствуя, как нещадно жмет лаковые туфли песок. Юля, стоявшая рядом, выглядела как инопланетянка, случайно высаженная на другой планете. Её розовое платье от известного бренда смотрелось здесь не просто неуместно — оно выглядело оскорбительно ярко на фоне обшарпанных заборов и покосившихся телеграфных столбов.

— Это что за место, Эдик? — голос Юли звенел от плохо сдерживаемой истерики. — Где мы? Ты обещал мне отель, а привез в... в эту дыру!

Я промолчал. Я не знал, что ей ответить. В моей голове до сих пор пульсировал образ Вероники — спокойной, ледяной, с этим её новым, чужим выражением лица. Я до последнего момента верил, что это игра. Что она просто выплеснет ярость, назовет меня парой ласковых имен, а потом сама позвонит, чтобы извиниться за излишнюю горячность. Но звонка не было. И карточки, как назло, остались привязаны к её бизнес-аккаунту, который она при мне обнулила.

Ворота со скрипом поползли в сторону. На дорогу вышла Тамара, женщина лет пятидесяти на вид, дальняя родственница по линии отца. Она была в просторном халате в крупный цветок, а на её шее, поверх пухлой груди, тяжело поблескивала массивная золотая цепь — признак достатка по местным меркам.

— О, какие люди! — Тамара прищурилась, оценивая, скользнув взглядом по моему костюму, который уже успел покрыться тонким слоем дорожной пыли. — А я-то думаю, кто это у меня под забором трется? Эдик? Ты ли это?

— Здравствуй, Тамара, — я постарался придать голосу ту самую уверенность, которая еще вчера открывала мне двери кабинетов городской администрации. — Нам нужно жилье. На пару дней.

Тамара хмыкнула, по-хозяйски опираясь на створку ворот.

— Жилье — дело такое. Только у меня сейчас курортный сезон, всё расписано на месяцы вперед.

— Тамара, мы заплатим, — встряла Юля, делая шаг вперед. — Нам нужно нормальное место, с горячей водой и...

Тамара перебила её, даже не глядя на девушку. Весь её интерес был сосредоточен на мне, как будто она прикидывала, сколько пользы можно извлечь из моей вынужденной покорности.

— Место есть, — она кивнула в сторону глубины двора, где за раскидистой магнолией виднелась покосившаяся летняя кухня, переделанная под жилое помещение. — Летний домик. Линолеум там старый, да и удобства во дворе, в паре метров. Зато не на улице ночуете. А насчет оплаты... договоримся - сказала Тамара, хитро улыбнувшись и осмотрев меня с головы до ног.

— Договорились, — буркнул я.

Тамара лишь усмехнулась — недобро, с явным удовольствием.

Внутри нашего нового «жилища» пахло сыростью и старой бумагой. Юля сразу же села на кровать, которая издала жалобный скрип, и разрыдалась.

— Я не могу здесь находиться! Тут воняет! Эдик, ты обещал мне жизнь, а не этот сарай! Ты обещал, что Вероника — это прошлое, которое ты вот-вот закроешь! Ты же говорил, что контролируешь всё!

Я сел на жесткий стул и с трудом расшнуровал туфли. Ноги гудели.

— Заткнись, Юля, — отрезал я, не глядя на неё. — Я контролировал. Я не ожидал, что она вызовет охрану. Вероника никогда не была такой... радикальной.

— Да плевать мне на твои ожидания! Я приехала на курорт не для того, чтобы по старым квартирам скитаться, я хочу в отель, который ты снимал до этого, у тебя есть хоть какие то деньги?

— Да замолчи ты уже, сама виновата, кто тебя просил приходить к нам в дом, дура, ты сама все испортила, дом ей подавай.

Я замолчал. Наличных почти не было. Всё, что я припас в бумажнике, ушло на такси до этого Богом забытого места. Вся моя финансовая независимость, все те счета, которые я потихоньку формировал, оказались заблокированы. Вероника сработала филигранно: она ударила ровно туда, где у меня не было никакой защиты.

К вечеру жара немного спала, но в комнате стало еще душнее. В дверь постучали — тяжело, по-хозяйски.

— Ужинать идете? — голос Тамары раздался прямо за фанерной дверью. — Борщ свежий, с чесночком. Идите, а то остынет.

Мы пошли. Ужин происходил в доме Тамары — большой, захлавленной, но уютной кухне, где пахло разогретым жиром и специями. Эдуард, директор санатория, сидел за обшарпанным столом, а напротив него сидела Тамара и внимательно изучала его лицо.

— Ну, рассказывай, директор, как тебя так угораздило? — Тамара подлила мне в рюмку прозрачную жидкость, от которой пахло спиртом и какими-то травами.

— Не твое дело, Тамара, — я попытался держать марку, но Юля, сидевшая рядом, раздраженно дернула меня за рукав.

— Расскажи, расскажи! — ядовито прошипела она. — Расскажи, как ты врал своей жене, как обещал мне золотые горы, а в итоге привез меня жрать этот борщ!

Тамара захохотала — громко, раскатисто, ударив ладонью по столу.

— Золотые горы? Ну, ты, Эдик, артист! Видала я таких орлов в своем дворе. Сначала все из себя начальников строят, а потом оказываются обычными мужиками, которым жена карманные деньги выдавала.

— Я не... — я хотел встать, но Тамара положила свою тяжелую, загрубевшую руку на мое предплечье. Её хватка была неожиданно сильной.

— Сиди, Эдик. Ешь. Ты ж голодный. А завтра с утра у меня дел полно. Забор надо подправить, да и сарай потечет скоро. Ты ж мужчина, ты должен быть полезен. Не всё ж тебе директорскими бумажками шуршать.

Я посмотрел на неё, пытаясь разглядеть в её глазах насмешку. Там была не только насмешка — там была власть. Она видела во мне не гостя. Она видела бесплатную рабочую силу, которую можно будет припахать к любому делу. И самое страшное заключалось в том, что я не мог ей отказать. Потому что за порогом этого двора для меня больше не было ничего.

Юля поднялась из-за стола, не доев.

— Я пойду, — она посмотрела на меня с таким выражением, что я понял: она меня ненавидит. — Мне надо подумать.

Она вышла, громко хлопнув дверью. Тамара лишь проводила её взглядом.

— Истеричка. Не пара она тебе, Эдик. Тебе бы бабу покрепче. Хозяйственную.

Она подмигнула мне, и этот жест показался мне настолько чуждым и пугающим, что я невольно вздрогнул. Я остался сидеть, глядя в пустую рюмку. В окне виднелись огни того самого санатория, который еще вчера был моим.

«Ника, — подумал я, и внутри разлилась ледяная ненависть, — ты думаешь, что победила? Ты думаешь, что можешь вот так просто вышвырнуть меня из жизни, которую я сам же для тебя и построил? Ты еще пожалеешь. У меня есть документы. У меня есть связи, о которых

ты даже не догадываешься. И у меня есть ноутбук, который я прихватил в спешке. Я выберусь из этой ямы. И когда выберусь — я уничтожу всё, что ты так бережно хранишь».

Я достал телефон, который всё это время лежал в кармане, и, дождавшись, пока Тамара уйдет в другую комнату, набрал короткое сообщение. Мои пальцы дрожали, когда я выводил текст, направленный прямо в сердце того дома, где еще недавно жил я сам.

«Ника, это перебор. Верни хотя бы документы на собственность, которые лежат в нижнем ящике стола. Не веди себя как истеричка. Если не вернешь по-хорошему, я приеду с адвокатом и полицией. Подумай о Максе и Алине, им не нужны скандалы»

Я нажал «отправить». Экран погас, погрузив меня в темноту. Я был никем. Я был нищим. Но в моей голове уже зрел план, ради которого я был готов продать душу дьяволу. Или Тамаре. Это не имело значения. Главное — чтобы Вероника перестала улыбаться так, как она улыбалась вчера вечером.

Телефон пискнул. Я включил, чтобы посмотреть.

«Адвокаты — отличная идея, Мой уже готовит иск о мошенничестве. Документы в безопасности, не трать силы на дорогу»

— Вот стерва., ты у меня еще пожалеешь, будешь просить меня, чтобы я вернулся..но я еще подумаю..Завтра...Я обязательно что нибудь придумаю.....

Я швырнул телефон на стол. День закончился моим унижением и я чувствовал себя в этой дыре как побитая собака.

Глава 5

Кабинет встретил меня запахом озона после утреннего кварцевания и едва уловимым ароматом цветущей магнолии, проникающим через приоткрытую створку окна. Снаружи, за стеклом, южное солнце щедро заливало светом территорию «Морской жемчужины». Внизу, вдоль вымощенных светлым камнем дорожек, тянулись кусты плетистых роз сорта «Пьер де Ронсар», чьи тяжелые кремово-розовые бутоны сгибали ветви почти до самой земли. Еще пару дней назад этот вид наполнял меня гордостью. Сегодня он казался лишь красивой декорацией, за которой пряталась уродливая изнанка моей прошлой жизни.

Я сидела во главе стола для совещаний, идеально прямая, застегнутая на все пуговицы своего стального-серого жакета. Напротив меня нервно перебирала листы Инна, наш главный бухгалтер. Рядом с ней, то и дело поправляя сползающие на нос очки, ерзал на стуле Денис — молодой и вечно невыспавшийся системный администратор клиники.

— Давайте без лишних вступлений, — мой голос прозвучал ровно, отсекая любые попытки выразить мне сочувствие. — Инна, что с деньгами Максима и Алины?

Бухгалтер сглотнула, не решаясь поднять на меня глаза.

— Эдуард Викторович использовал свой старый токен безопасности. Средства переведены на транзитный криптовалютный счет. Технически они ушли за пределы юрисдикции нашего банка. Но есть и хорошая новость: сумма слишком крупная для моментального вывода через анонимные обменники без верификации. Деньги «висят» в буфере. Он их видит, но снять наличными или перевести на карту пока не может. Система безопасности криптобиржи заморозила транзакцию на семьдесят два часа.

Внутри меня что-то болезненно сжалось. Мой бывший муж, человек, который когда-то учил Максима кататься на двухколесном велосипеде, а Алине покупал первые пуанты, хладнокровно залез в их будущее. Ради чего? Чтобы обеспечить комфорт своей новой жизни в частном секторе? Физическая тошнота подкатила к горлу, но я лишь сильнее сжала пальцами дорожную перьевую ручку.

— Свяжитесь с юридическим отделом, — приказала я, глядя прямо на Инну. — Пусть готовят заявление в отдел по борьбе с киберпреступлениями. Формулировка — несанкционированный доступ и хищение корпоративных средств, предназначенных для целевых выплат. Мы наложим арест на любые его счета. Он не получит ни копейки.

Инна торопливо закивала, делая пометки в блокноте.

— Вероника Павловна... — робко подал голос Денис. Парень выглядел так, словно его сейчас отправят на эшафот. — Деньги — это не самое страшное.

Я медленно перевела взгляд на сисадмина. В моей картине мира кража будущего собственных детей уже пробила дно, но испуганное лицо Дениса говорило о том, что снизу посту-чали.

— Объясняй, — коротко велела я.

Денис развернул ко мне экран своего ноутбука. По черному фону бежали бесконечные строки зеленого кода.

— Вчера ночью, когда я проводил плановый бэкап, я заметил аномальную активность в нашей CRM-системе. Я начал копать. Эдуард Викторович... он не просто ушел. Он создал «теневую» учетную запись с правами супер-администратора. Она была заложена в архитектуру серверов еще полгода назад.

Полгода. Я почувствовала, как ледяной холод сковывает внутренности. Полгода назад он дарил мне на годовщину знакомства путевку в Италию, смотрел в глаза и пил мое вино, уже готовя цифровую отмычку для моего бизнеса.

— Что он делает через эту запись? — спросила я, удивляясь тому, насколько спокойным остается мой голос.

— Прямо сейчас идет фоновое, зашифрованное копирование базы данных. Вся VIP-клиентура, их личные данные, диагнозы. И, что еще хуже, он скачивает наши проприетарные медицинские протоколы. Ваши авторские методики реабилитации.

— Заблокируй его. Немедленно.

— Не могу! — голос парня сорвался на отчаянный фальцет. — Он завязал права доступа на динамический токен, который находится физически у него. Если я попытаюсь обрубить сессию через консоль, сработает защита, и сервер просто заблокируется, превратившись в кирпич. У нас встанет вся регистратура, мы не сможем выписывать процедуры, электронные замки в VIP-корпусе перестанут работать! Он держит нас в заложниках.

Я смотрела на бегущие строчки кода, чувствуя, как стены кабинета начинают давить. Эдуард был трусом в жизни, но в подлости ему не было равных. Он мстил. Мстил за то, что я вышвырнула его из комфортной зоны, и теперь пытался вырвать из моих рук то единственное, что давало мне силу.

— Инна, Денис. Оставьте меня на десять минут, — я поднялась из-за стола. — Никаких действий без моей команды.

Сотрудники бесшумно растворились за дверью. Я подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу, пытаясь выровнять дыхание. Воздуха катастрофически не хватало. Мне нужно было подумать, выстроить алгоритм, как я всегда это делала перед сложной операцией. Но мозг отказывался выдавать решения, предлагая лишь слепую, разрушительную ярость.

Я резко отвернулась от окна, вышла из кабинета и направилась в сторону VIP-корпуса. Мне просто нужно было сменить картинку, пройти по стерильным, светлым коридорам, вдохнуть запах эвкалипта и морской соли из процедурных, чтобы напомнить себе, ради чего я держусь.

Коридор премиум-крыла был залит мягким светом. Здесь всегда царила тишина, нарушаемая лишь приглушенным гудением климатических систем. Я шла, глядя прямо перед собой, пока краем глаза не уловила движение возле зала кинезитерапии.

Дверь открылась, и навстречу мне вышел Глеб.

На нем были простые спортивные брюки и серая футболка, слегка потемневшая на груди от пота. Через плечо перекинута белоснежная полотенце. Он явно только что закончил тяжелую сессию на подвесных тренажерах, восстанавливая свою травмированную спину. Он двигался с той скупой, выверенной грацией хищника, который бережет силы, но всегда готов к прыжку.

Мы поравнялись возле панорамного окна. Я попыталась натянуть на лицо свою фирменную, безупречную улыбку главного врача, которая всегда служила мне надежным щитом.

— Доброе утро, Глеб Викторович. Как прошла процедура? Динамика положительная?

Он остановился. Никакой дежурной вежливости в ответ. Его взгляд, цепкий, тяжелый, сканирующий, прошелся по моему лицу, задержался на плотно сжатых губах и едва заметной пульсации жилки на шее. Глеб не пытался казаться милым пациентом. Он смотрел на меня как человек, который безошибочно распознает чужую критическую ситуацию.

— Процедура отлично, Вероника Павловна, — его глубокий баритон прозвучал спокойно, но в нем слышалась сталь. — А вот вы выглядите так, будто ваш штаб только что взяли в плотное кольцо окружения.

Я замерла. Обычный мужчина отвесил бы неуклюжий комплимент или сделал вид, что ничего не замечает. Глеб ударил прямо в цель. Моя идеальная броня дала трещину перед этим взглядом, в котором не было ни капли насмешки или праздного любопытства.

Усталость от необходимости всё тащить на себе внезапно навалилась с такой силой, что мне захотелось просто прислониться к стене. Я посмотрела в его глаза — темно-серые, как штормовое море — и неожиданно для самой себя нарушила все правила субординации.

— Мой бывший директор оставил нам цифровой капкан, — произнесла я, и голос предательски дрогнул. — Он выкачивает базу пациентов и авторские протоколы лечения. Если мы попытаемся его остановить стандартными методами, он «положит» всю систему санатория.

Глеб не изменился в лице, не стал охать или давать пустые советы. Его осанка неуловимо изменилась. Передо мной больше не стоял пациент с травмой спины. Передо мной находился профессионал, оценивающий масштаб угрозы.

— На каких серверах лежит ядро вашей базы? Облако или физические стойки в подвале? — спросил он так буднично, словно мы обсуждали меню в столовой.

— Физические. Но у него удаленный root-доступ, привязанный к динамическому токenu.

Глеб стянул полотенце с плеча и небрежно бросил его на подоконник.

— В моей прошлой жизни, до того как я получил пулю и кучу свободного времени, я руководил службой безопасности корпорации, чей годовой бюджет превышал бюджет этого города. Эдуард играет в песочнице. Пойдемте в ваш кабинет, Вероника.

Он не спрашивал разрешения. Он просто взял ситуацию под контроль, и, видит Бог, в этот момент я была готова отдать ему все ключи от этой крепости, лишь бы не нести этот груз в одиночку.

Мы вернулись в мой кабинет. Денис подскочил на стуле, увидев рядом со мной постороннего крупного мужчину с жестким лицом.

— Двигайся, боец, — скомандовал Глеб, подходя к столу сисадмина.

Денис вопросительно посмотрел на меня. Я коротко кивнула. Парень поспешно уступил кресло.

Глеб сел. Я встала у него за спиной, наблюдая за происходящим. В этом была горькая, почти пугающая ирония. Сколько раз в этом самом кресле, развалившись и закинув ногу на ногу, сидел Эдуард, рассуждая о своем величии и попивая дорогой коньяк? Эдуард лишь позировал, имитируя бурную деятельность.

Глеб даже не пытался выглядеть значительным. Он просто работал. Его длинные, сильные пальцы с короткими ногтями замелькали над клавиатурой с поразительной скоростью. Он открывал терминалы, вбивал команды, строчки кода летели вверх сплошным водопадом. От него исходила волна такой первобытной, спокойной уверенности, что у меня внутри впервые за это утро перестали дрожать невидимые струны.

— Так, посмотрим, что тут у нас наворотил мамкин хакер, — тихо пробормотал Глеб, щурясь на экран. — Ага. Вот его бэкдор. Изящно, ничего не скажешь. Замаскировал под системный процесс обновления протоколов вентиляции. Денис, неси мне физический кабель от коммутатора, мы пойдем в обход логики маршрутизатора.

Сисадмин, бледный от благоговения, метнулся к шкафу с оборудованием.

Я стояла так близко к Глебу, что чувствовала тепло его тела. Я смотрела на его сосредоточенный профиль, на жесткую линию челюсти, и понимала одну страшную вещь: Эдуард готовился к этому предательству задолго до того, как на пороге нашего дома появилась наглая девица Юлия. Он не просто гулял на стороне. Он методично, холодно выстраивал схему, по которой собирался оставить меня ни с чем в случае развода. Вся наша жизнь была одной гигантской, циничной махинацией.

Последние крупницы сожаления о прожитых годах сгорели в этот момент, превратившись в серый, невесомый пепел.

Пальцы Глеба продолжали отбивать дробь по клавишам. Денис сбоку подавал какие-то реплики, на которые Глеб отвечал короткими, непонятными мне терминами.

Внезапно стук клавиш оборвался.

Глеб замер. Его спина напряглась так сильно, что под тонкой тканью футболки отчетливо проступил рельеф мышц. Зеленые строчки на черном экране перестали бежать. В кабинете повисла звенящая, вязкая тишина.

Глеб медленно убрал руки от клавиатуры. Он не повернулся к Денису, он повернулся ко мне. Его лицо потемнело, а серые глаза стали похожи на два куска льда.

— Вероника, — его голос упал на октаву, став пугающе тихим. В нем больше не было деловой отстраненности.

Я затаила дыхание, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Что? Что там, Глеб? — я с трудом выдавила из себя слова.

— Он не просто копирует вашу базу клиентов, — Глеб посмотрел мне прямо в глаза, и от этого взгляда мне стало по-настоящему страшно. — Три минуты назад он запустил скрипт на полное, безвозвратное форматирование медицинских архивов.

Денис сзади издал сдавленный звук, похожий на всхлип.

— Он хочет стереть истории болезней, карты назначений, графики операций всех ваших пациентов, — жестко закончил Глеб. — Если этот скрипт доработает до конца, люди останутся без жизненно важных данных. Он решил не просто забрать деньги. Он решил уничтожить тебя, даже ценой чужих жизней.

Глеб резко поднялся с моего кресла, освобождая доступ к терминалу, и бросил короткий, как выстрел, взгляд на побелевшего сисадмина.

— За клавиатуру. Быстро! Пробуй отрубить его сессию! — скомандовал он.

Денис на ватных ногах метнулся к столу, рухнул на освободившееся место и судорожно вцепился дрожащими пальцами в клавиши, отчаянно пытаясь остановить неумолимо запущенный механизм нашей общей катастрофы.

Глава 6

— Один процент. Целых полтора процента... — голос Дениса сорвался на сиплый, почти мышинный писк.

Он колотил по клавиатуре с такой силой, что пластик жалобно трещал под его пальцами, но по черному экрану всё равно неумолимо ползла зеленая полоса загрузки. Скрипт Эдуарда работал с безжалостной методичностью.

Я смотрела на этот экран, чувствуя, как ледяной пот выступает вдоль линии роста волос. Форматирование базы данных. Для любого другого бизнеса это означало бы колоссальные убытки, потерю клиентов, судебные иски. Но мы были медицинской клиникой. В этих серверах хранились не просто номера телефонов богатеньких постояльцев. Там лежали схемы титрования препаратов для гипертоников. Аллергопробы. Детальные протоколы реабилитации пациентов после тяжелейших инсультов. Расчеты дозировок, от которых зависели чужие жизни.

Эдуард знал это. Запуская процесс уничтожения, он осознанно ставил под угрозу жизни десятков людей, доверивших нам свое здоровье. Только ради того, чтобы посмотреть, как я буду корчиться на руинах.

— Я не могу перехватить права! — Денис в отчаянии ударил кулаком по столу, едва не опрокинув остывший кофе. — Токен генерирует плавающие ключи каждую секунду. Система нас не пускает, она считает его легитимным администратором, а нас — вирусной атакой! Два с половиной процента...

Паника в кабинете стала почти осязаемой. Она пахла нагретым пластиком мониторов и страхом. Я открыла рот, чтобы отдать приказ звонить провайдеру, но слова застряли в пересохшем горле. Провайдер ответит через десять минут. За это время скрипт сожрет ядро архива.

Глеб не произнес ни слова. Никаких киношных фраз, никакого стука по клавишам в попытке переиграть цифрового вора. Он просто шагнул к столу, схватил Дениса за воротник рубашки и одним рывком поднял его с кресла.

— Где серверная стойка с выходом на внешний магистральный канал? — голос Глеба прозвучал так, что даже у меня заложило уши. Это был голос человека, привыкшего отдавать приказы под грохот снарядов.

— В... в соседнем помещении, за смежной дверью! — пролепетал сисадмин, болтаясь в его захвате.

— Ключ. Живо.

Денис дрожащей рукой вытащил из кармана магнитную карту. Глеб выхватил её, отшвырнул парня в сторону дивана и бросился к неприметной белой двери в углу моего кабинета. Замок пискнул, створка распахнулась, выпустив гул мощных кулеров охлаждения.

Я бросилась следом, замерев на пороге. Глеб не стал искать нужные команды на терминале внутри тесной, заставленной оборудованием комнаты. Он безошибочно вычислил главный коммутатор, к которому сходились толстые оптические патч-корды, связывающие санаторий с внешним миром.

Его пальцы, широкие и жесткие, сомкнулись на толстом пучке проводов. Мелькнуло мощное движение плеч под натянувшейся тканью серой футболки. Раздался сухой, уродливый хруст пластиковых фиксаторов. Глеб рванул кабели на себя, выдирая их из разъемов с такой яростью, что пара портов вылетела вместе с креплениями.

В серверной мгновенно завывла сирена локальной ошибки, замелькали красные аварийные диоды.

Глеб тяжело выдохнул, отбрасывая изуродованные концы оптоволокну на антистатический пол. Он обернулся ко мне. Грудь его тяжело вздымалась, на виске блестела капля пота.

— Всё, — хрипло бросил он. — Твой санаторий в глубоком оффлайне. Никакого внешнего доступа. Ни туда, ни оттуда.

Из кабинета донесся сдавленный голос Дениса:

— Процесс прерван. Соединение с хостом потеряно. Ошибка скрипта. Форматирование остановлено на двух целых и семи десятых процента. Мы... мы потеряли только архив старых бухгалтерских накладных за прошлый год. Медицинское ядро не задето.

Я медленно, словно сквозь толщу воды, вернулась в свой кабинет и опустилась в кожаное кресло. Колени предательски дрожали. Тишина, нарушаемая лишь приглушенным писком аварийных бесперебойников, казалась оглушительной.

В этот самый миг внутри меня рухнула последняя, самая глубокая, самая прочная стена, за которой я неосознанно прятала остатки уважения к человеку, носившему фамилию моего мужа. Двадцать пять лет я делила стол и постель не просто с эгоистом и изменщиком. Я спала рядом с чудовищем. С мелочным, беспринципным существом, которое ради удовлетворения собственного уязвленного самолюбия было готово стереть назначения для кардиобольных, удалить графики приема химиотерапии для тех, кто восстанавливался у нас после онкологии. Эдуард не меня хотел уничтожить. Он был готов пойти по трупам.

Моя бывшая любовь к нему, даже воспоминания о ней, сгорели, не оставив после себя ни пепла, ни дыма. На их месте образовался абсолютный, стерильный вакуум.

— Денис, — мой голос прозвучал чуждо, надтреснуто. — Бери свой ноутбук. Иди в серверную. Изолируй все локальные узлы и вычищай эту заразу вручную. Пока система не будет девственно чистой от любых его следов, внешний интернет мы не поднимаем. Работаем по внутренней сети.

— Понял, Вероника Павловна. Сделаю всё в лучшем виде, — парень подхватил технику и пулей вылетел за смежную дверь, плотно закрыв её за собой.

Мы остались с Глебом одни.

Адреналин, который последние пятнадцать минут гнал кровь по венам с бешеной скоростью, начал резко отступать. Его место заняла тотальная, парализующая слабость. В горле пересохло так, словно я наглоталась раскаленного песка.

Я протянула руку к тяжелому хрустальному графину с водой, стоявшему на краю стола. Пальцы не слушались. Они мелко, противно дрожали. Я обхватила скользкое горлышко, попыталась приподнять графин, но он звякнул о край стакана, и прозрачная вода плеснула мимо, заливая полированное красное дерево моего рабочего стола, оставляя темные пятна на важных бумагах.

— Черт, — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются злые, беспомощные слезы. Слезы не от страха, а от осознания собственной физической уязвимости в этот момент.

Большая, горячая ладонь легла поверх моих ледяных пальцев.

Глеб не стал вырывать графин или суетиться с салфетками. Он просто накрыл мою дрожавшую руку своей, останавливая эту жалкую пляску. Его кожа была шершавой, теплой и невероятно надежной. От него пахло озоном, чистым мужским потом и какой-то первобытной силой, рядом с которой все мои проблемы вдруг показались решаемыми.

Он мягко, но непрекрасимо разжал мои пальцы. Сам налил воду в стакан, до краев, и протянул мне.

— Пей, — тихо сказал он.

Я послушно взяла стакан обеими руками, как маленький ребенок, и сделала несколько жадных глотков. Вода казалась самым вкусным напитком на свете. Ледяной поток смыл ком в горле, возвращая способность дышать.

Я оставила пустой стакан и заставила себя посмотреть в лицо Глебу. Он стоял рядом, не отстраняясь. В его глазах не было ни капли жалости, которую я так ненавидела в подчиненных. Там было лишь спокойное, глубокое понимание.

Мне нужно было вернуть контроль. Вернуть свою броню главврача, за которой я привыкла прятаться от внешнего мира. Я выпрямила спину, одернула лацканы пиджака и попыталась придать своему лицу выражение строгой благодарности.

— Глеб Викторович, — начала я, и голос мой, хоть и окреп, всё равно звучал глуше обычного. — Я не знаю, как выразить вам свою признательность. То, что вы сейчас сделали... вы спасли мою клинику от катастрофы. Вы спасли репутацию и, возможно, свободу. Я понимаю, что такие услуги стоят дорого.

Глеб чуть склонил голову набок, внимательно слушая мою тираду. На его губах заиграла легкая, почти жесткая ироничная усмешка.

— Я распоряжусь, чтобы вас перевели в статус пожизненного VIP-клиента «Морской жемчужины». Любые процедуры, любое время проживания — за счет заведения. Кроме того, я готова оплатить ваш сегодняшний... консалтинг по тарифам лучших специалистов по кибербезопасности. Назовите сумму.

Улыбка Глеба погасла. Его взгляд потяжелел, став таким плотным, что, казалось, его можно было потрогать руками. Он сделал шаг назад, упираясь бедром в край моего стола, и скрестил руки на груди.

— Вы действительно думаете, Вероника Павловна, что я рвал эти кабели ради бесплатного массажа и путевки на море? — в его голосе прозвучали льдинки, которые мгновенно разбили мою выстроенную защиту.

Я растерялась.

— Нет, я просто... я должна как-то компенсировать ваше вмешательство. Вы пациент, я — владелица. Есть субординация, и я привыкла платить по счетам.

— Оставьте свои счета для налоговой и бывших мужей, Вероника, — отрезал он, и от того, как он произнес мое имя — без отчества, с легкой хрипотцой — по моей коже пробежала стайка мурашек. — Я не спасал вашу клинику. Плевать я хотел на ваши серверы и репутацию вашего бренда.

Он наклонился ко мне, и дистанция между нами сократилась до неприличного минимума.

— Я спасал вас. Потому что мне физически больно смотреть, как красивая, умная и невероятно сильная женщина позволяет какому-то ничтожеству втаптывать себя в грязь. И я не беру денег с тех, кого защищаю по собственной воле.

Мой рот слегка приоткрылся. Я собиралась что-то сказать, как-то возразить, возвести обратно стену из профессиональной этики, но слова исчезли. Его прямота обезоруживала. В мире Эдуарда всё покупалось и продавалось: преданность, улыбки, даже годы брака, как выяснилось, имели свою цену. Глеб же разрушал эту парадигму одним своим присутствием.

Он молча выпрямился, подошел к подоконнику и забрал забытое там полотенце. Закинул его на широкое плечо и направился к выходу. Мой взгляд невольно скользнул по его фигуре, отмечая уверенную, лишенную суеты походку.

Возле двери он остановился. Медленно обернулся, окинув взглядом мой кабинет — идеальный, стерильный, похожий на дорогой склеп.

— Вы задыхаетесь в этом бункере, Вероника, — произнес он тем самым тоном, который не терпел возражений. — Вы превратили себя в функцию. А функциям не бывает больно, но они и не умеют жить.

Я сглотнула, не в силах отвести от него взгляд.

— Что вы предлагаете? — вырвалось у меня быстрее, чем я успела обдумать эту фразу.

На лицо Глеба вернулась та самая легкая, уверенная полуулыбка, от которой внутри меня всё перевернулось.

— Я не предлагаю. Я ставлю перед фактом. Сегодня вечером, в восемь часов, я заеду за вами. И мы поужинаем. Не в вашей диетической столовой, где все заглядывают вам в рот, а в городе. Нормальная еда, нормальное вино и шум моря.

Он открыл дверь, но прежде чем выйти в коридор, добавил:

— Как мужчина приглашает женщину, Вероника. Оставьте свою броню главврача здесь, в сейфе. Она вам сегодня не понадобится.

Дверь закрылась за ним с тихим, вежливым щелчком.

Я осталась одна. Тишина в кабинете больше не давила — она звенела от напряжения, оставленного его словами. Я посмотрела на свое отражение в темном стекле выключенного монитора. Строгий узел волос, глухой жакет, идеальная осанка. Доспехи, которые я носила так долго, что они приросли к коже.

Я медленно подняла руки и вытащила шпильки из прически. Тяжелые волосы рассыпались по плечам, мгновенно смягчая черты лица.

До восьми вечера оставалось семь часов. И впервые за долгие, очень долгие годы я поймала себя на мысли, что мне отчаянно хочется снять этот чертов деловой костюм и надеть самое красивое, самое легкомысленное платье, которое только найдется в моем шкафу.

Эдуард пытался стереть мою жизнь. Но, кажется, он лишь очистил место для того, чтобы она наконец-то началась.

Глава 7(Эдуард)

(от лица Эдуарда)

Два целых и пять десятых процента. Зеленая полоса загрузки медленно, словно издеваясь, ползла по черному экрану ноутбука.

Я сидел за шатким кухонным столом, покрытым липкой клеенкой с выцветшими подсолнухами, и не отрывал взгляда от монитора. В этой душной, пропахшей застарелым жиром летней кухне было нечем дышать. Сквозь мутное стекло крошечного окна пробивались лучи безжалостного южного солнца, освещая пыльную бугенвиллию во дворе, но я не замечал ни жары, ни убогости обстановки. Я смотрел на цифры.

Два целых и шесть десятых.

Мои губы сами собой растянулись в мстительной, злой усмешке. Я почти физически представлял, как сейчас мечется по своему стерильному кабинету Вероника. Как её хваленый «железный» контроль трещит по швам, когда она понимает, что вся её империя, её драгоценная «Морская жемчужина», превращается в цифровой пепел. Она думала, что может просто вышвырнуть меня, как провинившегося лакея? Заблокировать карты, выгнать с охраной, лишить всего?

Два целых и семь десятых.

— Ну же, давай, — прошептал я, постукивая пальцами по столешнице. — Еще немного, Ника. Сейчас ты поймешь, кто на самом деле держал этот бизнес в руках. Ты сама мне позволишь. Будешь умолять, чтобы я всё вернул.

Экран мигнул. Зеленая полоса дернулась и замерла.

Я нахмурился, пододвигая ноутбук ближе. Секунда. Две. Пять. Ничего не происходило. А затем поверх черного окна терминала выскочила системная ошибка. Красный прямоугольник, режущий глаза.

«Error 404. Connection Lost. Host unreachable».

— Какого черта? — я судорожно ударил по клавише обновления.

Сервер не отвечал. Я запустил пинг — пакеты уходили в пустоту. Система была мертва. Денис, этот прыщавый недоучка-сисадмин, не мог обойти мой динамический токен. Это было технически невозможно! Я сам настраивал архитектуру безопасности, я завязал все узлы так, чтобы любая попытка сброса пароля блокировала консоль.

Мои пальцы запорхали по клавиатуре, вводя резервные команды, но каждый раз экран выплевывал одно и то же: связи нет.

До меня начало медленно, мучительно доходить. Они не взломали систему. Они просто физически отрубили магистральный кабель. Выдернули санаторий из розетки. Вероника на такое не способна, она даже роутер перезагрузить не может без чужой помощи. Денис слишком труслив, чтобы брать на себя ответственность за обрыв оптоволокну.

Кто тогда?

Я с силой захлопнул крышку ноутбука. Звук пластикового удара эхом разнесся по крошечной комнате. Мой козырь сгорел. Моя месть оборвалась на жалких двух процентах. У меня больше не было рычага давления. Я был пуст.

Адреналин, державший меня в напряжении последние полчаса, схлынул, оставив после себя тошнотворную слабость. И только теперь я снова ощутил реальность, в которой оказался.

Воздух в летней кухне был густым, как кисель. Пахло старым луком, сыростью и дешевым освежителем воздуха. На продавленной кровати в углу, уткнувшись в телефон, лежала Юлия. Её ярко-розовое платье задралось, обнажая бедра, но сейчас этот вид не вызывал во мне ничего, кроме глухого раздражения.

— Эдик, у меня интернет вообще не грузит, — плаксиво протянула она, не отрывая взгляда от экрана. — И здесь жарко, как в аду. Сходи к этой толстой тетке, скажи, пусть даст нам вентилятор. И я хочу холодного просекко. У меня из-за этого стресса ноготь сломался, видишь?

Она вытянула руку, демонстрируя мне идеальный маникюр с едва заметной трещинкой на мизинце.

Меня затрясло.

— Просекко? — мой голос прозвучал хрипло, чуждо. Я медленно встал из-за стола. — Ноготь у нее сломался?

Юля удивленно моргнула, откладывая телефон.

— Эдик, ты чего кричишь?

— Я кричу?! — я сорвался на рев, шагнув к ней. — Мы сидим в этом вонючем клоповнике, без копейки денег, с заблокированными счетами, потому что ты, идиотка, решила поиграть в хозяйку жизни! Если бы ты не приперлась к нам домой я бы успел перевести активы! Я бы подготовил почву!

Юля мгновенно подобралась. Вся её капризная расслабленность исчезла, уступив место хищной, рыночной злобе. Она вскочила с кровати, скрестив руки на груди.

— Ах, я виновата?! — взвизгнула она. — Это ты мне врал! Ты пел мне сказки про то, что санаторий твой! Что жена — это просто глупая клуша, которая подписывает бумажки! А на деле ты оказался директором без портфеля. Голодранец, который жил на содержании у жены! Ты никто, Эдик! Пшик!

Слова ударили наотмашь. Я инстинктивно сжал кулаки, шагнув к ней, готовый заткнуть этот визгливый рот, но в этот момент хлипкая фанерная дверь с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель.

На пороге стояла Тамара.

На ней всё тот же необъятный халат, на ногах — резиновые шлепанцы. В руках она держала оцинкованное ведро, из которого торчала деревянная ручка вантуза и моток толстой стальной проволоки.

— Ну что, голубки, наворковались? — её громогласный бас мгновенно заполнил комнату, заставив Юлю испуганно отступить к стене. Тамара перевела тяжелый взгляд на меня. — Значит так, Эдик. Бесплатных обедов в моем доме нет. Долг за тобой висит, аванса за жилье я не видела. Будем отрабатывать.

Я выпрямился, одернув помятую, пропитавшуюся потом брендовую рубашку. Нужно было брать ситуацию в свои руки. Я — дипломированный управленец, я вел переговоры с федеральными инвесторами. Я не позволю какой-то базарной бабе диктовать мне условия.

— Тамара, послушай меня, — я включил свой самый уверенный, снисходительный тон, который безотказно работал на планерках. — Я проанализировал твою бизнес-модель. У тебя отличная локация, но управление активами на нуле. Вы теряете тридцать процентов прибыли из-за простоев и отсутствия цифровизации. Я могу внедрить тебе CRM-систему, оптимизировать бронирование, настроить воронку продаж. Мы выведем твой гостевой дом на новый уровень. Ты будешь зарабатывать вдвое больше. Взамен — мы с Юлей живем здесь бесплатно, пока я не решу свои временные трудности с банковскими счетами.

Я замолчал, ожидая эффекта.

Тамара смотрела на меня секунды три. Её лицо оставалось непроницаемым. А затем она запрокинула голову и зашлась таким раскатистым, искренним хохотом, что на веранде затряслись стекла. Она смеялась до слез, хлопая себя по мощным бедрам.

Юля сжалась в углу, а я стоял, чувствуя, как краска стыда заливает шею.

— Ой, уморил... — Тамара вытерла выступившую слезу тыльной стороной ладони. — Воронка продаж! CRM-система! Эдик, ты совсем в своих кабинетах мозги усохли? Какая циф-

ровизация? У меня бизнес на наличке и тетрадке в клеточку строится! Мне твои красивые таблички даром не сдались.

Она шагнула вперед и с грохотом бросила ржавое ведро прямо к моим ногам. Вантуз глухо стукнулся о линолеум.

— У меня за вторым уличным туалетом сливная яма забилась. Вода верхом прет, вонь на весь двор, отдыхающие жалуются. Бери проволоку, бери ведро и иди чисти.

Я уставился на грязный инструмент, не веря своим ушам.

— Ты в своем уме? — я медленно поднял на неё глаза. — Я не буду ковыряться в дерьме. Я не сантехник.

Тамара перестала улыбаться. Её лицо мгновенно стало жестким, как гранитная плита. Она сделала еще один шаг, нависая надо мной всей своей массой.

— Будешь, Эдик. Еще как будешь. Потому что твой паспорт лежит у меня в сейфе. А за воротами тебя никто не ждет. Не прочистишь яму до заката — вылетишь вместе со своей крашеной шваброй на улицу в том, в чем стоите. И поверь, местные менты вас даже за бомжей не посчитают, если я им пару слов шепну. Вперед.

Она развернулась и вышла, оставив дверь открытой.

Я стоял, тяжело дыша. Мои руки, привыкшие к тяжести дорогой перьевой ручки и руля немецкого внедорожника, дрожали. Я посмотрел на Юлю. Она с отвращением отвернулась к окну, обхватив себя руками. Ни поддержки. Ни сочувствия.

Стиснув зубы так, что заболели скулы, я наклонился, взял за грязную железную дужку ведро и поднял моток проволоки.

Следующие два часа превратились в изощренную, физическую пытку.

Южное солнце палило нещадно. Задний двор Тамары представлял собой лабиринт из старых сараев и кустов шиповника. Запах, исходивший от переполненной сливной ямы, заставил меня дважды согнуться пополам в рвотных позывах. Мои лаковые туфли увязли в зловонной жиже. Брюки от костюма, стоявшего как годовая зарплата уборщицы в моем бывшем санатории, были безнадежно испорчены грязными брызгами.

Я орудовал жесткой проволокой, проталкивая её в забитую трубу. На ладонях, отвыкших от физического труда, мгновенно вздулись водянистые мозоли. Одна из них лопнула, и соленая грязь впилась в свежую рану, заставив меня зашипеть от боли. Пот заливал глаза, смешиваясь с грязью на лице.

— Ненавижу, — шептал я, яростно дергая проволоку. — Ненавижу тебя, Ника. Ненавижу.

Я винил её. Это она довела меня до этого скотского состояния. Она лишила меня всего одним звонком охране.

Внезапно труба глухо чавкнула, и застоявшаяся вода с омерзительным бульканьем пошла вниз, утягивая за собой зловонную пробку. Я обессиленно отвалился к нагретой деревянной стене сарая, тяжело дыша. Руки тряслись, спину ломило так, словно меня избили палками.

Я сидел прямо на корточках в грязи, когда услышал голос.

Голос доносился из открытого окна на втором этаже Тамариного дома, прямо над моей головой. Тамара говорила по телефону, и тон её был совершенно другим. Исчезли базарные, хабалистые интонации. Она говорила тихо, жестко, с четкими, рублеными паузами. Так говорят люди, которые делают реальные деньги.

— Да, Арсений Сергеевич. Я поняла. Долю занесу завтра, как договаривались. Проверка СЭС нам сейчас не нужна, сезон в разгаре.

Я замер, стараясь даже не дышать. Арсений Сергеевич? Это имя было известно каждому бизнесмену в нашем районе. Местный «решала», человек с криминальным прошлым и обширными связями в администрации, который держал под контролем половину теневого сектора

на побережье. Тамара не просто сдавала сараи отдыхающим. Она была встроена в жесткую систему.

— Что с Коршуновым? — голос Тамары стал еще тише, но я отчетливо слышал каждое слово. — Он всё еще хочет подмять под себя «Морскую жемчужину»?

При упоминании фамилии Коршунова меня прошибло холодным потом. Валерий Коршунов, владелец сети элитных клиник «Золотые пески», был главным, непримиримым конкурентом Вероники. Он годами пытался перекупить наши земли, пытался переманить персонал, но Вероника выстроила глухую оборону.

— Знаю, что не продают, — усмехнулась в трубку Тамара. — Но у меня тут, Арсений Сергеевич, птичка в клетке запела. Бывший муженек директрисы «Жемчужины». Да, тот самый Эдик. Выгнала она его, гол как сокол остался. Сидит у меня в сарае, дерьмо лопатой гребет.

Мое сердце пропустило удар. Она знала. Она всё это время знала, кто я такой и что со мной произошло. Вся эта игра с «помощью по старой памяти» была лишь способом взять меня за горло.

— Вы Коршунову передайте, — продолжила Тамара с откровенной издевкой. — Мужик дошел до ручки. За возможность отомстить жене и получить хоть какие-то отступные, он родную мать продаст. А уж коммерческие тайны, базы клиентов и финансовые дыры санатория — и подавно. Пусть Коршунов готовит прайс. Я Эдика сама к нему на блюдечке принесу. Главное, чтобы мой процент не забыли.

В окне скрипнула створка, разговор прервался.

Я сидел в грязной луже, обхватив руками колени. Мои ладони саднили, от одежды воняло нечистотами. Но внутри меня, сквозь унижение и животный страх перед этой женщиной, начала зарождаться холодная, расчетливая искра.

Мой удаленный доступ сгорел. Скрипт не сработал. Вероника защитила свои серверы.

Но ей не защититься от того, что я годами носил в своей голове. Я знал все слабости «Морской жемчужины». Я знал, какие поставщики работают в серую. Я знал, какие инвесторы готовы сорваться с крючка при малейшем скандале.

Я посмотрел на свои израненные руки. Тамара считала меня пешкой, которую она выгодно продаст. Пусть считает.

Я медленно поднялся, вытирая грязные ладони о испорченные брюки от Армани. Коршунов заплатит мне столько, что я смогу купить десять таких Тamar вместе с их гнилыми заборами.

Вероника хотела ампутации? Она её получит. Но резать по живому теперь буду я.

Глава 8

Перо тяжелой ручки «Паркер» скользило по плотной бумаге с сухим, царапающим звуком. Этот звук был единственным, что нарушало деловую акустику моего кабинета. Я методично, лист за листом, ставила свою подпись, отсекая Эдуарда от любых легальных финансовых артерий нашей семьи и бизнеса.

— Генеральная доверенность отозвана, нотариальное уведомление уже отправлено, — чеканил Александр Сергеевич, мой личный адвокат, педантичный мужчина с сединой на висках, аккуратно складывая подписанные листы в кожаную папку. — Доступ к корпоративным счетам заблокирован. Банки-партнеры уведомлены об изменении структуры права подписи. Что касается трастовых счетов Максима и Алины...

Адвокат сделал паузу, бросив взгляд на Инну, которая сидела на краю дивана, сжимая в руках планшет.

— Я лично провела многоуровневую блокировку, — тихо, но твердо отозвалась бухгалтер. — Криптотранзакция, которую он пытался провести, аннулирована службой безопасности биржи по нашему запросу. Деньги детей вернулись в исходную точку. Теперь для любых операций там требуется двойная физическая аутентификация. Моя и ваша, Вероника Павловна.

Я отложила ручку. Пальцы слегка затекли от напряжения.

— Отлично. Мы перекрыли ему кислород.

— Вероника Павловна, — Александр Сергеевич поправил тонкую оправу очков, и в его голосе прозвучала профессиональная тревога. — Вы действуете безупречно, но я обязан вас предупредить. Мы загнали крысу в угол. Лишившись легальных денег и доступа к серверам, Эдуард Викторович станет непредсказуемым. У него в голове осталась масса инсайдерской информации. Названия подрядчиков, схемы поставок, планы расширения. Без наличных на руках он может попытаться эту информацию монетизировать.

Я посмотрела на закатное солнце, бьющее в окно. Адвокат был прав. Эдуард всегда любил красивую жизнь, а красивую жизнь нужно было оплачивать.

— Инна, завтра же утром подготовьте обновленные соглашения о неразглашении для всего топ-менеджмента и руководителей отделений, — распорядилась я. — Александр Сергеевич, составьте жесткий драфт. Штрафные санкции должны быть такими, чтобы никому даже в голову не пришло общаться с моим бывшим мужем. На сегодня всё. Спасибо вам обоим.

Когда за ними закрылась дверь, я взглянула на часы. Половина седьмого.

Дом встретил меня гулкой пустотой. Я прошла мимо холла, где еще витал едва уловимый, вьевшийся в обивку мебели запах тех самых роз с юбилея, и поднялась в свою спальню. Распахнув дверцы огромного встроенного шкафа, я замерла, оглядывая ряды вешалок.

Серый кашемир. Темно-синий шелк. Строгие костюмы, платья-футляры, идеальные блузки, застегнутые под самое горло. Четверть века я одевалась так, чтобы соответствовать статусу. Сначала — чтобы серьезные инвесторы не смотрели на меня как на юную девочку-врача. Потом — чтобы подчеркнуть респектабельность «жены директора». Мой гардероб был моей броней.

«Вы превратили себя в функцию», — вспомнила я слова Глеба, сказанные им несколько часов назад.

Моя рука, потянувшаяся было к привычному бежевому платью прямого кроя, замерла в воздухе. Я сдвинула ряд строгих чехлов в сторону. В самой глубине шкафа висело оно. Платье глубокого изумрудного оттенка, из тончайшего струящегося шелка, с открытыми плечами и V-образным вырезом. Я купила его год назад в Италии, в порыве какого-то необъяснимого вдохновения, но так ни разу и не надела. Эдуард тогда сказал, что для моего статуса главврача этот цвет слишком «вызывающий».

Я сняла платье с вешалки. Ткань скользнула по пальцам прохладной водой.

Через час я стояла перед высоким зеркалом. Изумрудный шелк мягко облегал фигуру, подчеркивая линию талии и открывая ключицы. Я отказалась от привычного строгого пучка. Распустила волосы, позволив им тяжелой, темной волной лечь на плечи. Нанесла на запястья каплю любимых духов — терпких, с нотками бергамота и сандала. Никакой массивной ювелирки, лишь тонкая золотая цепочка.

Из зеркала на меня смотрела не владелица санатория. На меня смотрела женщина, которая внезапно осознала, что она всё еще чертовски привлекательна и свободна.

Ровно в восемь ноль-ноль я услышала мелодичный звонок в дверь. Не гудок клаксона с улицы, заставляющий торопливо выскакивать из дома, как это любил делать Эдуард, не желая выходить из своей машины. Глеб ждал меня у порога.

Я открыла дверь.

Глеб стоял на крыльце. На нем не было нарочито-вычурного костюма. Темно-синие джинсы, качественная черная футболка, подчеркивающая широкую грудную клетку, и неформальный пиджак графитового цвета. Никаких огромных букетов, которыми обычно откупаются виноватые мужья. В его облике не было суеты. За воротами мягко урчал двигателем тяжелый, черный внедорожник.

На секунду наши взгляды встретились. Я увидела, как дрогнули его ресницы, как потемнела радужка глаз, когда он окинул меня взглядом от распущенных волос до подола изумрудного платья. В этом взгляде не было сальной оценки или дешевого флирта. Это было искреннее, глубокое мужское восхищение, от которого у меня перехватило дыхание.

— Вы невероятная, Вероника, — произнес он. Голос звучал чуть глуше обычного. Это был не комплимент. Это констатация факта.

— Спасибо, — я улыбнулась, чувствуя, как краска слегка касается щек. Давно забытое, почти девчоночье чувство. — А вы, Глеб Викторович, пунктуальны.

— Глеб, — он мягко поправил меня, предлагая локоть. — Сегодня никаких отчеств. Оставим их для медицинских карт.

Ресторан, который он выбрал, находился в старой части города, вдали от шумных туристических набережных. Мы сидели на открытой террасе, увитой густыми лозами цветущей глицинии. Крупные лиловые кисти свисали прямо над нашими головами, источая тонкий, сладковатый аромат. С моря дул легкий бриз, принося свежесть и звук накатывающих на гальку волн. На столе горела небольшая свеча в стеклянной колбе, отбрасывая теплые блики на наши лица.

Я готовилась к тому, что мне придется обсуждать Эдуарда. Объяснять ситуацию, оправдываться за то, как я могла допустить подобное. Но Глеб даже не произнес его имени.

— Как ваша спина? — спросила я, когда официант разлил по бокалам ледяное белое вино. Привычка врача всё равно брала свое.

— Благодаря вашим специалистам — гораздо лучше, — Глеб поднял бокал. — Но давайте договоримся, Вероника. Сегодня мы не говорим о позвонках, санаториях, серверах и мусоре, который вы оставили за порогом своего дома. Сегодня я хочу узнать женщину, которая предпочитает изумрудный цвет всем остальным.

Мы чокнулись. Звон тонкого хрусталя растворился в шуме цикад.

Разговор потек удивительно легко. Глеб умел слушать так, как никто другой. Он не перебивал, не пытался перевести тему на себя. Я рассказала ему о детях — о Максиме, который бредит архитектурой, и об Алине, покоряющей Дубай. Рассказала о том, как отец учил меня не сдаваться, когда я завалила первую сессию в мединституте.

В ответ Глеб приоткрыл свою жизнь. Без хвастовства, без надрыва.

— Я ушел из структуры три года назад, — рассказывал он, глядя на пламя свечи. — Понял, что перестал видеть разницу между живыми людьми и строчками в оперативных сводках. Выгорел. Жена этого не поняла. Ей нравился мой статус, генеральские перспективы. Когда

я сдал удостоверение и ушел в коммерческую безопасность, она ушла к человеку, который всё еще носил погоны.

— Мне жаль, — искренне произнесла я.

— Не стоит, — он усмехнулся, и в морщинках у его глаз промелькнуло тепло. — Это было честно. Хуже, когда люди живут десятилетиями, улыбаясь друг другу за завтраком, а внутри — пустота. Я искал что-то настоящее. И, кажется, нашел.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я не отвела взгляд. Воздух между нами стал плотным, искрящимся. В какой-то момент, когда я потянулась за салфеткой, наши пальцы случайно соприкоснулись. От этого легкого, секундного трения по коже прошел разряд. Я не отдернула руку. Глеб тоже. Его пальцы мягко скользнули по моей кисти, едва ощутимо коснувшись пульса на запястье.

Я поняла, что Эдуард никогда не был мне опорой. Он был лишь красивым фасадом, который я сама же и подпирала. А человек, сидящий напротив, был фундаментом. Монолитом, рядом с которым мне больше не нужно было притворяться железной.

Ужин пролетел как одно мгновение.

Обратный путь мы проделали в комфортном, уютном молчании. В салоне внедорожника тихо играл блюз. Глеб уверенно вел машину, а я смотрела на его профиль, освещаемый пролетающими мимо фонарями, и чувствовала себя живой.

Он остановил машину у моих ворот, вышел и открыл мне дверь, подав руку. Мы медленно дошли до крыльца.

Сверчали ночные насекомые. Луна серебрила поверхность моря вдали. Мы остановились у дверей.

— Спасибо за вечер, Глеб, — я повернулась к нему. Мой голос дрогнул, выдав волнение. — Это было... именно то, что мне было нужно.

Он стоял очень близко. Я чувствовала его дыхание на своей щеке. Он не стал форсировать события, не попытался нагло поцеловать меня в губы, как сделал бы любой самоуверенный самец. Вместо этого он поднял руку, медленно провел костяшками пальцев по моей щеке, заправив выбившуюся прядь волос за ухо, и легко, почти невесомо, коснулся губами моего виска.

— Доброй ночи, Вероника, — прошептал он. — Отдыхай. Завтра будет новый день.

Он спустился с крыльца только тогда, когда я открыла дверь и вошла в прихожую.

Закрыв замок, я прислонилась спиной к прохладному дереву двери, скинула туфли на высоких каблуках и закрыла глаза. Губы сами собой растянулись в счастливой улыбке. Внутри меня разливалось долгожданное тепло.

Тишину дома разорвал резкий, пронзительный звон мобильного телефона.

Я вздрогнула, выныривая из своего состояния. На экране светилось имя отца. Половина двенадцатого ночи. Он никогда не звонил так поздно, если только не случалось катастрофы.

Улыбка мгновенно стерлась с моего лица. Я нажала кнопку ответа.

— Да, пап?

— Ника, ты стоишь или сидишь? — голос отца звучал так, будто он пробежал марафон и сейчас задыхался. Не от усталости. От бешенства.

— Я стою в прихожей. Что случилось?

— Полчаса назад мне позвонил мой старый друг из градостроительного комитета администрации, — слова отца падали тяжело, как камни. — Завтра утром на закрытом заседании будет рассматриваться заявка на выкуп муниципальной земли. Той самой, которая прилегает к нашему восточному крылу.

Я нахмурилась.

— Пап, мы же подали туда свой проект расширения еще месяц назад. Эдуард должен был отвезти финальную папку...

— Эдуард её никуда не возил, Ника! — рявкнул отец, и этот крик отразился от стен моего дома. — Наш проект снят с повестки. Заявку подал Валерий Коршунов. И знаешь, что самое интересное? Друг шепнул мне, что бизнес-план Коршунова — это калька. До запятой, до миллиметра, до каждой цифры сметы — это наш закрытый проект. Коршунов забрал нашу идею и перебил цену.

Воздух в легких мгновенно превратился в лед. Мои пальцы, еще минуту назад хранившие тепло рук Глеба, онемели.

Валерий Коршунов. Наш главный, самый беспринципный конкурент. Владелец сети «Золотые пески».

Пазл сошелся с тошнотворной ясностью. Александр Сергеевич был прав. Загнанная в угол крыса не просто укусила. Эдуард, сидя в своей грязи, продал нашу главную коммерческую тайну. Он передал Коршунову проект всей моей жизни.

Иллюзия покоя разбилась вдребезги. Война не закончилась. Она только перешла в новую, самую разрушительную фазу.

Глава 9

Голос отца пульсировал в динамике телефона, но слова доходили до сознания сквозь плотную, ватную пелену. Я стояла в прихожей своего дома, прижимая трубку к уху, и чувствовала, как остатки тепла от прикосновений Глеба стремительно испаряются с моей кожи, сменяясь ледяным, колючим ознобом.

Месяц назад. Эдуард не отвез папку с финальным проектом расширения нашей клиники месяц назад.

Это не было импульсивной мстью уязвленного самца, выставленного за дверь с чемоданом. Это был холодный, выверенный расчет. Он ужинал со мной, спал в моей постели, выбирал галстуки к юбилею, зная, что документы, которые мы с командой готовили полгода, лежат в сейфе нашего главного конкурента — Валерия Коршунова.

— Я выезжаю в санаторий, пап, — мой голос прозвучал так ровно, что я сама себя не узнала. — Поднимай Александра Сергеевича. Пусть берет все черновые копии, исходники, всё, что доказывает наше авторство. Буду через двадцать минут.

Я сбросила вызов. В прихожей тускло горел нижний свет. Мое отражение в зеркале — женщина в изумрудном струящемся шелке, с распущенными волосами и блеском в глазах — показалось мне издевкой. Романтический вечер закончился. Началось время корпоративной мясорубки.

Я взбежала по ступеням в спальню. Пальцы быстро нащупали скрытую молнию на спине. Изумрудная ткань мягко, с едва слышным шелестом скользнула по бедрам и упала на паркет, образовав у ног зеленую лужу. Я не стала её поднимать. Выхватив из шкафа темные, плотные джинсы, черную водолазку и удобные кроссовки, я оделась за минуту. Волосы, которые еще недавно так бережно поправлял Глеб, я стянула в жесткий, тугий узел на затылке. Униформа бойца. Броня, не стесняющая движений.

Ночная трасса, выходящая вдоль побережья, была пуста. Я гнала машину, не обращая внимания на спидометр. В открытое окно врывался густой, соленый запах моря, смешанный с ароматом цветущих олеандров, но сейчас он не пьянил. Он отрезвлял.

В кабинете санатория горел яркий, стерильный свет. Отец мерил шагами пространство от стола до панорамного окна. Несмотря на поздний час, его спина была неестественно прямой. На кожаном диване, обложившись папками и растирая покрасневшие глаза, сидел Александр Сергеевич. Юрист выглядел так, словно его только что вытащили из-под завала.

— Ника, — отец остановился, когда я вошла. — Торги назначены на половину девятого утра. Закрытое заседание градостроительного комитета. Коршунов заносит проект как свой собственный инвестиционный план. Земля уйдет ему.

— Александр Сергеевич, какие у нас легальные рычаги? — я подошла к столу, оперевшись на него двумя руками.

Юрист тяжело вздохнул, снял очки и потер переносицу.

— Вероника Павловна, будем реалистами. Никаких. Чтобы остановить торги по закону, нам нужно решение суда о наложении обеспечительных мер в связи с кражей интеллектуальной собственности. На подачу иска, назначение слушания и получение бумаги уйдет минимум неделя. Завтра утром комитет ударит молотком. Коршунов получит право аренды с последующим выкупом. Мы можем потом годами судиться, доказывая, что чертежи спального корпуса и план коммуникаций украдены, но землю мы потеряем навсегда.

— Значит, легальных белых рычагов нет, — констатировала я. Внутри не было паники. Был лишь сухой, математический расчет.

Я развернулась и вышла на террасу кабинета. Ночной воздух приятно остудил горящее лицо. Я достала телефон и нашла в списке вызовов номер, который звонил мне пару часов назад.

Гудки шли недолго.

— Вероника? — голос Глеба звучал бодро, без малейшего налета сонливости. Он ответил так быстро, словно держал телефон в руке.

— Мне нужен совет безопасника, Глеб. Не пациента и не... собеседника по ужину, — я говорила быстро, экономя время. — Эдуард месяц назад слил наш закрытый бизнес-план по расширению санатория. Завтра в восемь тридцать утра главный конкурент покупает прилегающую муниципальную землю под наш проект. Юристы бессильны, суд не успеет.

В трубке повисла секундная пауза. Я слышала только его ровное дыхание.

— Сварите крепкий кофе. Буду через двадцать минут, — коротко ответил он и отключился.

Я вернулась в кабинет. Отец вопросительно поднял брови.

— К нам едет специалист по решению нерешаемых проблем, — пояснила я, направляясь к кофемашине.

Глеб вошел ровно через девятнадцать минут. На нем была темная ветровка поверх той самой футболки, в которой он был на ужине. Он переступил порог моего кабинета, коротко кивнул отцу, безошибочно определив в нем хозяина старой закалки, и остановился напротив Александра Сергеевича.

— Вводные я понял, — Глеб не стал тратить время на светские расшаркивания. Он взял предложенную мной чашку эспresso и повернулся к юристу. — На чем строится уникальность украденного бизнес-плана? Коршунов не идиот, он не понесет в администрацию просто картинки красивых зданий. Там должна быть экономическая или медицинская база, оправдывающая выделение земли без открытого аукциона.

Александр Сергеевич растерянно моргнул, не привыкший к такому напору.

— Там... там расчет рентабельности на основе уникальных грязевых ванн. Источник находится на стыке нашей и муниципальной территории. План завязан на специфические медицинские лицензии...

— Стоп, — Глеб поднял руку. Его глаза сузились. Он посмотрел на меня. — Вероника. Патенты на использование состава этих грязей и авторские методики реабилитации. На кого они оформлены? На ООО «Морская жемчужина»?

Я замерла, пораженная внезапной догадкой.

— Нет, — медленно произнесла я, чувствуя, как губы растягиваются в хищной улыбке. — Когда мы только начинали, отец настоял, чтобы все медицинские разработки регистрировались на мое имя как на физическое лицо. Патенты принадлежат лично мне.

Глеб поставил чашку на стол. На его лице появилось выражение абсолютного, безжалостного удовлетворения.

— Бинго. Коршунов купил у вашего идиота-мужа красивый фантик. И сейчас он несет этот фантик в администрацию.

Глеб достал свой телефон и отошел к окну.

— Александр Сергеевич, готовьте официальное письмо в прокуратуру и антимонопольный комитет, — скомандовал он на ходу. — Формулировка: подозрение в коррупционном сговоре должностных лиц с целью выделения муниципальных земель под проект, базирующийся на украденной интеллектуальной собственности, использование которой без лицензии правообладателя несет прямую угрозу здоровью граждан.

Юрист побледнел.

— Но прокуратура не успеет отреагировать до утра! Это бюрократия!

Глеб обернулся. В свете настольной лампы его лицо казалось высеченным из камня.

— Бюрократия — это для тех, кто заходит через парадную дверь, адвокат. Пишите бумагу. О том, чтобы она легла на нужный стол с нужной резолюцией ровно в восемь утра, я позабочусь лично. У меня остались... должники в этом ведомстве.

Следующие несколько часов превратились в сложенный, напряженный танец. Пока Александр Сергеевич стучал по клавишам ноутбука, филигранно выверяя юридические формулировки, я готовила копии своих патентов. Глеб постоянно с кем-то созванивался на террасе. Он говорил тихо, короткими рублеными фразами, в которых проскальзывал жесткий металлический лязг человека, привыкшего повелевать судьбами.

В семь утра мы выпили еще по одной чашке кофе.

— Я еду в администрацию, — сказала я, забирая со стола тонкую кожаную папку с копией нашего заявления. — Я хочу смотреть в глаза Коршунову, когда эта бомба взорвется.

— Я буду ждать на парковке, — спокойно отозвался Глеб. — Внутри вам лучше зайти одной. Это ваш триумф, Ника. Не будем смазывать картину присутствием посторонних мужчин.

Половина девятого утра. Кулуары градостроительного комитета пахли мастикой, старой бумагой и дорогим парфюмом собравшихся дельцов. Солнце безжалостно било сквозь высокие окна, освещая пылинки, танцующие в воздухе.

Я стояла у дверей зала заседаний, идеально держа спину.

Валерий Коршунов появился за десять минут до начала. Холеный, лохотенный, в костюме-тройке, который кричал о его банковском счете громче любых слов. На его запястье поблескивал платиновый хронограф. Увидев меня, он ничуть не смутился. Напротив, его лицо расплылось в широкой, маслянистой улыбке.

— Вероника Павловна! Какая неожиданная и, признаюсь, приятная встреча, — он подошел ближе, источая удушливый запах селективного одеколona. — Слышал о ваших... семейных трудностях. Примите мои соболезнования. Развод — это всегда стресс для женщины.

Я посмотрела на него так, как обычно смотрю на неудачный лабораторный образец.

— Не стоит беспокоиться о моем стрессе, Валерий Игоревич. Я предпочитаю избавляться от балласта, а не коллекционировать его. В отличие от некоторых.

Коршунов тихо рассмеялся, обнажив ровные, ослепительно белые виниры.

— Бывшие мужья — отличный источник вдохновения, Вероника Павловна. И, как выяснилось, отличных идей. Вы ведь понимаете, зачем я здесь? Земля уйдет мне. Я задушу вашу «Жемчужину» новыми корпусами за пару лет. Продайте мне свой бизнес сейчас, добровольно. Я дам хорошую цену за бренд. Поверьте, это лучше, чем обанкротиться.

Я не отвела взгляд. Моя улыбка была настолько ледяной, что Коршунов на секунду перестал улыбаться, почувствовав неладное.

— Вы слишком самоуверенны для человека, который строит замки на ворованном песке, Валерий.

В этот момент двери зала распахнулись. Из них стремительно вышел председатель комитета. Его обычно румяное лицо сейчас было пепельно-серым. Руки, сжимавшие пластиковую папку, заметно дрожали. Он даже не посмотрел на Коршунова, хотя они были давними приятелями по гольф-клубу.

— Господа, — голос чиновника сорвался на хрип. — Заседание отменяется.

Коршунов сделал шаг вперед, его лицо исказила гримаса непонимания.

— Илья Петрович, что за шутки? У нас всё согласовано. Мой проект...

— Ваш проект, Валерий Игоревич, сейчас изымают следователи прокуратуры по экономическим преступлениям, — председатель вытер выступивший на лбу пот платком. — Поступил сигнал из антимонопольного комитета. Нарушение патентных прав, угроза здоровью населения и подозрение в инсайте. Торги по этому участку заморожены на неопределенный срок. И я бы на вашем месте сейчас звонил не мне, а своему адвокату.

Коршунов застыл. Платиновый хронограф на его запястье блеснул в луче солнца, но сейчас он казался дешевой побрякушкой на руке человека, который только что потерял миллионы. Он медленно, словно не веря своим ушам, повернул голову ко мне. В его глазах полыхала чистая, ничем не прикрытая ярость.

Я поправила воротник водолазки.

— Покупая краденое у нищих, Валерий, вы всегда рискуете испачкаться, — произнесла я тихо, но так четко, чтобы каждое слово впечаталось в его сознание. — Хорошего дня. И передавайте привет моему бывшему мужу, когда он придет к вам за остатком гонорара. Скажите ему, что банкет окончен.

Я развернулась и пошла по длинному коридору администрации. Мои кроссовки бесшумно ступали по мрамору, но внутри меня гремели фанфары. Это была чистая, абсолютная победа. Мой бизнес был защищен. Интеллектуальный капкан захлопнулся, отрубив Эдуарду и Коршунову руки по самый локоть.

Выйдя на улицу, я полной грудью вдохнула утренний воздух. Жара еще не вступила в свои права. На парковке, прислонившись к дверце своего черного внедорожника, стоял Глеб.

Увидев меня, он не стал задавать вопросов. По моей походке всё было ясно. Но на его лице не было ответной торжествующей улыбки. Он оставался предельно собранным, а его взгляд был тяжелым и мрачным.

Я подошла к нему, чувствуя, как эйфория начинает уступать место новой тревоге.

— Мы их размазали, — сказала я, останавливаясь в шаге от него. — Проект заморожен. Коршунов в панике.

— Я знаю. Мои люди из ведомства уже отзвонились, — Глеб оторвался от машины и протянул мне свой планшет. — Торги мы остановили, Ника. Но это еще не конец. Твой бывший муж оказался гораздо изворотливее, чем мы думали.

Я опустила взгляд на экран. Это была фотография, сделанная откуда-то из укрытия, в высоком разрешении. Задний двор, обшарпанный забор из профнастила. Возле кустов шиповника стоял Эдуард. На нем была грязная, перемазанная чем-то темным рабочая одежда, волосы всклокочены. Он выглядел как бомж. Но в вытянутой руке он держал маленькую черную флешку, передавая её огромному бритоголовому амбалу в спортивном костюме — начальнику личной охраны Коршунова.

— Снимок сделан вчера вечером, — глухо произнес Глеб. — Эдуард не просто продал землю. Он нашел посредника, который вывел его напрямую на людей Коршунова в обход всех безопасных каналов. И этот посредник — некая Тамара. Женщина, которая держит в этом районе весь теневой рынок частной аренды и имеет прямые выходы на местный криминалитет.

Я смотрела на фотографию, и внутри меня снова начал разгораться холодный огонь. Эдуард, мой рафинированный, трусливый Эдуард, объединился с базарной мафией, лишь бы уничтожить меня.

— Где это снято? — спросила я, возвращая планшет.

— Старый район. Улица Южная. Гостевой дом этой самой Тамары.

Я подняла глаза на Глеба. Вчера вечером я сняла свою броню, чтобы стать просто женщиной. Но сегодня мне предстояло надеть её снова. Только на этот раз — не для светских бесед с инвесторами.

— Поехали, — жестко сказала я, открывая дверцу своей машины. — Кажется, мне пора нанести визит в частный сектор и посмотреть, в каком дерьме теперь плавают мой бывший муж.

Глава 10

Кожаное сиденье внедорожника мягко пружинило на поворотах, пока мы удалялись от здания городской администрации. Кондиционер бесшумно гнал прохладный воздух, смешанный с едва уловимым, терпким ароматом парфюма Глеба — древесной коры и черного перца. Адреналин, который еще полчаса назад кипел в моей крови во время триумфа над Коршуновым, начал медленно отступать. Его место занимала холодная, кристальная логика, свойственная мне после многочасовых операций.

Я опустила взгляд на планшет, который всё еще держала в руках. На экране застыла фотография: мой бывший муж, в перемазанной грязью одежде, протягивает черную флешку бритоголовому амбалу из службы безопасности «Золотых песков». Задний фон — обшарпанный забор из профнастила и кусты плетистой розы, чьи бордовые бутоны безвольно поникли от жары.

Мой палец машинально скользнул по экрану, вызывая свойства файла. В углу мелким белым шрифтом высветились метаданные снимка.

Дата: вчера. Время: 19:14.

Я смотрела на эти цифры, чувствуя, как внутри зарождается неприятный, сосущий холодок. Девятнадцать четырнадцать. Вчера в это самое время я стояла перед зеркалом в своей спальне, застегивая молнию на изумрудном платье. Я ждала Глеба, чтобы поехать на ужин. О том, что Эдуард месяц назад не сдал наш бизнес-план в комитет, я узнала от отца только в половине двенадцатого ночи. И только после этого, глубоко за полночь, я позвонила Глебу, попросив совета безопасника.

Как его люди могли сфотографировать факт передачи флешки в семь вечера, если на тот момент я еще ни о чем его не просила?

— Глеб, — мой голос прозвучал ровно, но в салоне машины он раздался с отчетливостью выстрела. — Во сколько, ты сказал, была сделана эта фотография?

Он мельком глянул на меня в зеркало заднего вида, плавно перестраиваясь в правый ряд.

— Вчера. В начале восьмого вечера.

— Останови машину.

— Вероника, мы почти выехали на трассу...

— Останови машину. Сейчас же, — я произнесла это тем самым тоном, от которого у старших медсестер в клинике обычно холодели руки.

Глеб не стал спорить. Он включил поворотник, и тяжелый внедорожник, хрустя гравием, съехал на широкую обочину, остановившись у самого края обрыва. Внизу мерно шумело утреннее море, разбиваясь о серые валуны. Вдали белел парус одинокой яхты. Идеальная, умиротворяющая картина, которая совершенно не вязалась с тем, что сейчас происходило в моей голове.

Глеб заглушил мотор и повернулся ко мне. В его глазах не было ни тени удивления или испуга. Он ждал.

Я положила планшет на приборную панель, чтобы не выдать легкую дрожь в пальцах.

— В девятнадцать четырнадцать я только готовилась к нашему свиданию, — сказала я, глядя ему прямо в лицо. — Я не просила тебя устанавливать за ним слежку. Я вообще не знала о сделке Коршунова до ночного звонка отца. Почему твои люди пасли моего бывшего мужа в частном секторе до того, как я обратилась к тебе за помощью?

Тишина в салоне стала осязаемой. В моей груди медленно, болезненно сжимался ком. Двадцать пять лет я доверяла человеку, который в итоге вонзил мне нож в спину. Неужели я, едва оправившись, снова впустила в свою жизнь мужчину, ведущего двойную игру?

— Был ли наш вчерашний ужин частью твоей оперативной разработки, Глеб? — я задала этот вопрос, чувствуя, как на языке оседает привкус горечи. — Отвечай прямо. Я слишком устала от вранья, чтобы выслушивать красивые легенды.

Глеб не отвел взгляда. Его лицо, с резкими линиями скул и глубокой морщинкой между бровей, оставалось спокойным. Он тяжело вздохнул, положив руки на руль.

— Нет. Ужин был ужином. А вот мое появление в «Морской жемчужине» — действительно не случайность, — он произнес это без малейшей попытки оправдаться.

Я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как невидимая рука сжимает мое горло.

— Значит, тебя наняли. Кто? Коршунов? Конкуренты?

— Твой отец, Ника.

Это имя ударило меня словно током.

— Мой отец? — переспросила я, не веря своим ушам. — О чем ты говоришь?

Глеб повернулся ко мне всем корпусом, сокращая дистанцию.

— Девять лет назад твой отец вытащил меня с того света. Буквально. У моей службы был серьезный конфликт интересов с одной финансовой группировкой. Меня подставили, и я получил пулю, которая едва не стоила мне возможности ходить. Твой отец тогда поднял свои старые связи по медицинской линии, перевез меня в лучшую клинику и оплатил половину сложнейших операций. Он никогда не просил ничего взамен. До прошлого месяца.

Я слушала его, боясь пропустить хотя бы слово. Отец никогда не рассказывал мне об этом. Но он всегда был таким — решал проблемы молча, не требуя ований.

— Три месяца назад, — продолжил Глеб, — твой отец связался со мной. Он опытный бизнесмен, Вероника. Он начал замечать странности в финансовой отчетности санатория. Мелкие нестыковки, изменения в маршрутизации транзакций, подозрительную активность Эдуарда на переговорах, куда он ездил один. Отец заподозрил, что твой муж готовит вывод активов. Но у него не было прямых доказательств.

— Почему он не сказал мне? — вырвалось у меня. Обида на отца кольнула сердце, но тут же растворилась в понимании.

— Потому что он знал, как сильно ты доверяешь мужу. Твой отец — мудрый человек. Он понимал: если он придет к тебе с пустыми подозрениями, это разрушит вашу семью, а Эдуард выставит его выжившим из ума стариком, который лезет в ваши дела. Ему нужны были железные, неопровержимые факты. Он попросил меня приехать под видом пациента. Моя травма спины — реальна, так что легенда была идеальной. Моей задачей было провести скрытый аудит и наружное наблюдение за твоим мужем, не привлекая внимания.

Я прикрыла глаза. Пазл складывался. Вот почему Глеб так быстро понял, что Эдуард оставил в системе цифровую «закладку». Вот почему его люди так легко вычислили Юлю и перехватили её фальшивые справки. Он не просто помогал мне — он выполнял свою работу. Мой отец, чувствуя угрозу, нанял лучшего пса-волкодава, чтобы тот охранял его дочь, пока она спала с открытыми глазами.

— Значит, — я медленно открыла глаза и посмотрела на Глеба, — всё это время я была просто объектом твоей охраны.

— Была, — согласился он, и в его голосе появилась та самая низкая, хрипкая нота, которая вчера вечером заставила мое сердце биться чаще. — В первые несколько дней. Я наблюдал за тобой через камеры, читал отчеты, видел, как ты тащишь на себе целую империю. А потом я увидел, как твой муж вытирает о тебя ноги, пока ты гладишь ему рубашки.

Глеб подался вперед. Его большая, горячая ладонь легла на мое запястье.

— Я приехал сюда ради твоего отца, Вероника. Но остался я — ради тебя.

Его пальцы мягко погладили мою кожу, и от этого простого жеста по телу пробежала волна мурашек.

— Если бы я был здесь только по работе, я бы слил тебе отчет еще неделю назад и уехал, — его серые глаза смотрели в самую глубину моих зрачков. — Но когда ты выставила его за дверь... Когда я увидел, как ты держишь удар, когда понял, какая ты настоящая за всем этим своим фасадом главврача... Мой профессиональный интерес закончился. Вчерашний вечер не имел никакого отношения к твоему отцу. Я пригласил тебя, потому что хотел видеть женщину, рядом с которой я снова почувствовал себя живым. Я извиняюсь за то, что скрыл от тебя детали. Но я никогда не извинюсь за то, что защищал тебя.

Я молчала, впитывая каждое его слово. Мой мозг, привыкший анализировать всё до молекул, сейчас просто отключился. В мире Глеба не было места дешевым манипуляциям. Он признал свою вину в умолчании, не юля и не перекадывая ответственность. Это была взрослая, честная позиция мужчины, который берет на себя ответственность за свои поступки.

Остатки сомнений испарились, уступив место абсолютному, кристально чистому доверию.

Я перевернула руку ладонью вверх и переплела свои пальцы с его.

— Заводи мотор, Глеб, — тихо сказала я. В уголках моих губ появилась легкая улыбка. — Нам еще нужно нанести визит вежливости в частный сектор.

Он ответил мне такой же улыбкой, в которой читалось облегчение. Двигатель мощно заурчал, и внедорожник плавно вырулил обратно на трассу. Напряжение, висевшее между нами последние десять минут, исчезло. Теперь мы были не заказчиком и исполнителем. Мы были одной командой.

Чем дальше мы уезжали от центра города, тем сильнее менялся пейзаж. Элитные коттеджи с коваными оградами сменились унылыми рядами старых заборов, пыльными обочинами и бесконечными табличками «Сдаются комнаты у моря». Жара уже начала плавить асфальт, и в открытое окно врвался тяжелый запах перегретой травы и бензина.

Мы почти приблизились к границам старого района, когда тишину в салоне разорвал резкий звонок моего телефона.

Я взглянула на экран.

«Эдуард».

Я вопросительно посмотрела на Глеба. Он коротко кивнул, не сбавляя скорости.

Я нажала кнопку приема вызова и включила громкую связь. Я ожидала услышать очередную порцию яда. Угрозы, требования вернуть документы, высокомерный блеф про Коршунова — всё, что угодно, в стиле моего бывшего мужа.

Но из динамика вырвался лишь тяжелый, сбитый шепот, в котором сквозила чистая, неконтролируемая животная паника.

— Ника... Ника, ради Бога, не бросай трубку! — голос Эдуарда дрожал так сильно, что слова сливались в неразборчивую кашу. — Выслушай меня...

— Я слушаю тебя, Эдуард, — ледяным тоном ответила я. — Как прошла сделка с Коршуновым?

На том конце послышался сдавленный всхлип, за которым последовал грохот, будто кто-то ударил в железную дверь.

— Ника, они узнали, что торги заморожены! — задыхаясь, зашептал он. Фоном слышался странный гул и капающая вода. — Они поняли, что план сорвался... Этот амбал Коршунова и Тамара... Они заперли меня. Я в подвале под её домом.

Глеб резко нажал на тормоз, сбрасывая скорость, и его лицо мгновенно превратилось в непроницаемую маску оперативника.

— Эдуард, что за бред ты несешь? — нахмурилась я, хотя интуиция уже вопила о том, что это не спектакль.

— Они забрали мой паспорт! — голос бывшего мужа сорвался на истеричный писк. — Коршунов в бешенстве из-за того, что его взяла на карандаш прокуратура. Он требует компен-

сации за подставу. Тамара сказала, что я из этого подвала не выйду. Они... Ника, они принесли бумаги! Они заставляют меня подписать дарственную на мою супружескую долю в санатории на подставное лицо! Если я не подпишу, они сказали, что закопают меня в той самой сливной яме, которую я вчера чистил!

Я замерла, чувствуя, как по спине пробегает мороз. Эдуард был трусом и лжецом, но сейчас он был в ужасе. Он переоценил свои силы, решив сыграть в криминальные игры с людьми, для которых человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша.

— Вытащи меня отсюда, Ника, умоляю! — зарыдал в трубку человек, с которым я прожила двадцать пять лет. — Я всё отдам! Я подпишу тебе любой отказ! Только не дай им меня убить! Они сейчас вернутся, они...

Связь оборвалась с резким щелчком, оставив после себя лишь глухие короткие гудки.

Я медленно опустила телефон на колени и посмотрела на Глеба. Внедорожник медленно катился по пыльной дороге частного сектора.

Наш план «просто поговорить» и окончательно закрыть вопрос с бывшим мужем рассыпался на глазах. Тамара и Коршунов перешли черту, отделяющую грязный бизнес от уголовщины. И теперь мы ехали не на деловую встречу. Мы ехали в эпицентр криминальной разборки.

Глеб молча выключил громкую связь на своем коммуникаторе, перевел коробку передач в спортивный режим и вдавил педаль газа в пол. Черный джип хищно рыкнул двигателем, ускоряясь по направлению к дому Тамары.

Война только что вышла за пределы кабинетов. И, судя по профилю Глеба, он был к ней абсолютно готов.

Глава 11

Тяжелый внедорожник Глеба пожирал километры раскаленного асфальта, стремительно приближаясь к окраинам старого района. Сквозь тонированные стекла солнце казалось тусклым, а мощный климат-контроль наполнял салон спасительной прохладой, пахнущей кожей и терпким мужским парфюмом.

Мой пульс отбивал рваный ритм где-то в горле. Еще двадцать минут назад я считала, что партия выиграна, Коршунов разбит, а мой бывший муж навсегда останется неприятным, но безопасным воспоминанием. Но звонок Эдуарда, его скулющий, панический шепот из какого-то подвала смешали все карты. Я смотрела на профиль Глеба. Его челюсти были плотно сжаты, взгляд неотрывно следил за дорогой. В его движениях не было ни суеты, ни лихорадочной спешки — только выверенная, ледяная концентрация человека, привыкшего въезжать в эпицентр чужих проблем.

— Открой бардачок, Вероника, — произнес он, плавно сбрасывая скорость перед глубокой рытвиной на дороге. — Там лежит твоя кожаная папка. Та самая, с отказом от имущественных претензий, которую вчера подготовил твой адвокат. Я забрал её с заднего сиденья твоей машины, когда мы пересаживались.

Я удивленно моргнула, потянувшись к бардачку и действительно нащупала гладкую тисненую кожу.

— Зачем? Ты знал, что она нам понадобится?

— Я привык всегда иметь под рукой инструмент для фиксации результата, — Глеб коротко глянул на меня. — Мы едем не спасать твоего мужа, Ника. Спасатели носят другую форму. Мы едем забирать твое. Коршуновские шестерки сейчас злые, торги сорваны, а Эдуард для них — просто кусок отработанного мяса, который не принес обещанный результат.

Машина свернула на пыльную, немощеную улицу. Вдоль дороги тянулись кривые заборы из погнутого профнастила. Воздух здесь был другим: тяжелым, пропитанным запахом перегретой пыли, гниющих на солнце фруктов и пышно цветущей, но совершенно неухоженной бугенвиллии, чьи фиолетовые плети свисали прямо на проезжую часть.

Внедорожник остановился у знакомых обшарпанных ворот гостевого дома Тамары.

Глеб заглушил двигатель, но не спешил отстегивать ремень. Он повернулся ко мне, и его взгляд стал тяжелым, почти подавляющим.

— Слушай меня внимательно. Из машины не выходишь, пока я не дам знак. Двери заблокируются, как только я захлопну свою. Говорить буду я. Если что-то пойдет не так, ты просто сидишь здесь. Поняла?

— Поняла, — я кивнула, крепче сжимая в руках папку. Рядом с ним мне не было страшно. Я чувствовала себя так, словно меня накрыли непробиваемым куполом.

Глеб вышел. Замок мягко щелкнул, отрезая меня от уличного зноя. Сквозь лобовое стекло я видела, как он уверенно толкнул калитку и шагнул во двор.

Там его уже ждали. Навстречу Глебу, поигрывая связкой ключей, шагнул тот самый бритоголовый амбал, которого я видела на фотографии. На нем была черная спортивная футболка, плотно обтягивающая бугристые мышцы. Позади него, нервно теребя край своего цветастого халата, маячила Тамара. Её лицо, обычно багровое от властности, сейчас имело отчетливый землистый оттенок.

Амбал расправил плечи, преграждая Глебу путь. Я не слышала их слов сквозь толстое стекло автомобиля, но видела язык тела. Шестерка Коршунова попыталась «быкануть» — он резко подался вперед, явно собираясь толкнуть Глеба в грудь.

То, что произошло дальше, заняло от силы две секунды.

Глеб не стал принимать боксерских стоек или размахивать кулаками. Он сделал неумолимое, текучее движение. Его рука метнулась вперед, перехватывая запястье амбала. Короткий рывок на себя, поворот корпуса — и огромный мужик вдруг неестественно выгнулся, оседая на одно колено. Глеб стоял над ним, удерживая его руку в каком-то чудовищном, ломающем сустав выверте. Он наклонился и произнес несколько фраз прямо в ухо бритоголовому.

Я могла лишь догадываться, какие фамилии из прокуратуры и спецслужб, заморозивших сегодня утренние торги, Глеб сейчас перечислял.

Амбал побледнел так резко, что это было заметно даже с моего места. Он судорожно закивал. Глеб разжал пальцы, брезгливо оттолкнув его от себя. Охранник Коршунова подскочил на ноги, баюкая поврежденную кисть, и, не оглядываясь ни на Тамару, ни на дом, почти бегом бросился к задним воротам двора. Растворился, как дешевая иллюзия.

Тамара осталась одна. Вся её спесь сдулась. Она вжала голову в плечи, когда Глеб неспешно подошел к ней. Он что-то сказал, указывая на низкую, обитую железом дверь пристройки, ведущую, судя по всему, в погреб.

Тамара затряслась, торопливо выудила из кармана халата ключ и дрожащими руками принялась возиться с навесным замком.

Глеб повернул голову в сторону машины и коротко кивнул мне.

Я нажала кнопку разблокировки, распахнула дверь и шагнула в обжигающее марево южного полудня. Жара мгновенно облепила кожу, но внутри меня всё было сковано арктическим холодом. Я подошла к капоту внедорожника, положила на горячий металл кожаную папку и стала ждать.

Железная дверь подвала со скрежетом открылась. Из темного зева пахнуло сыростью и плесенью.

— Вылезай, герой, — брезгливо бросил Глеб.

На свет божий, шурясь и спотыкаясь о ступеньки, выполз Эдуард.

Мой желудок совершил болезненный кульбит. Передо мной стоял человек, чьи рубашки я когда-то отдавала в итальянскую химчистку. Сейчас его некогда дорогие брюки были перемазаны грязью и чем-то подозрительно похожим на машинное масло. Рубашка порвана на плече, на скуле наливался синевой свежий кровоподтек. От него несло страхом, невымытым телом и затхлым подвалом.

Он заморгал, привыкая к яркому солнцу, и тут его взгляд сфокусировался на мне.

Его лицо преобразилось. Ужас сменился абсолютно безумной, щенячьей надеждой.

— Ника! — он хрипло выдохнул мое имя и рванулся ко мне, раскинув руки в грязных подтеках. — Ника, родная моя! Ты приехала! Ты спасла меня! Я знал, я знал, что ты не бросишь меня этим ублюдкам!

Он попытался схватить меня за плечи.

Я сделала шаг назад. Одно короткое, резкое движение. Мой взгляд был таким, что Эдуард споткнулся на ровном месте и замер, опустив руки. В его глазах отразилось непонимание. Он ждал спасительницу, жену, которая примчалась вытирать ему слезы. А перед ним стояла владелица клиники, к которой он только что пытался подослать киллеров для её бизнеса.

— Не прикасайся ко мне, Эдуард, — мой голос прозвучал так тихо, что Тамара у ворот испуганно вздрогнула. — И не смей называть меня родной.

— Ника, послушай, они заперли меня! Коршунов узнал, что торги отменили, он решил, что я его кинул! — затараторил он, проглатывая окончания слов, его била крупная дрожь. — Они хотели заставить меня переписать на них мою долю в «Жемчужине»! Они угрожали меня убить! Поехали домой, прошу тебя, увези меня отсюда!

Я смотрела на его трясущиеся губы и чувствовала лишь глубокую, профессиональную брезгливость. Опухоль. Злокачественное образование, которое я слишком долго отказывалась замечать.

— У тебя больше нет дома, Эдуард, — я отвернулась от него, подошла к внедорожнику и открыла кожаную папку, лежащую на капоте. Рядом положила свою тяжелую ручку. — Я приехала сюда не из жалости. Я приехала купить свой покой.

Эдуард растерянно перевел взгляд с меня на Глеба, который возвышался за моей спиной, словно гранитный монумент.

— Что... что это? — пролепетал бывший муж, глядя на ровные стопки документов.

— Это твой билет на свободу, — я указала на нижнюю строчку первого листа. — Коршунов не оставит тебя в покое, пока считает, что с тебя можно выдоить долю в моем санатории. Тамара не выпустит тебя со двора, пока ты не отработаешь долг, потому что ты оказался пустышкой. Твоя единственная защита — это абсолютная, задокументированная нищета.

Я взяла ручку и протянула её ему.

— Это полный отказ от супружеской доли. Отказ от претензий на медицинские патенты. Отказ от любых финансовых выплат. Ты подписываешь эти бумаги прямо сейчас, на этом капоте. Я заверяю их у нотариуса через час. И тогда ты становишься бесполезным для Коршунова. Они тебя не тронут, потому что с тебя больше нечего взять.

Эдуард уставился на меня расширенными от ужаса глазами. До него медленно доходил смысл моих слов. Я не забирала его. Я отсекала его.

— Ника, ты не можешь так поступить... — из его глаз брызнули настоящие, жалкие слезы. Они прочертили светлые дорожки по его грязным щекам. — Двадцать пять лет! Я же останусь на улице! Мне некуда идти! Я умру под забором!

— Ты умер для меня в то утро, когда привел в мой дом свою девку, — мой голос не дрогнул. — А когда ты попытался стереть медицинские карты моих пациентов и продал проект Коршунову — ты похоронил себя сам. Подписывай. Или возвращайся в подвал. Тамара с удовольствием закроет замок.

Эдуард посмотрел на Тамару. Хозяйка двора, поняв, что её лишили «крыши», злобно оскалилась, выразительно поигрывая ключом. Затем он перевел взгляд на Глеба. В серых глазах безопасника была лишь ледяная пустота. Никакого сочувствия.

Дрожащей, непослушной рукой Эдуард взял ручку. Он склонился над капотом. Я слышала его прерывистое, свистящее дыхание. Чернила сухо зацарапали по бумаге. Первая подпись. Вторая. Третья. Он ставил крест на своей жизни, всхлиывая, как обиженный ребенок, у которого отобрали чужую игрушку.

Когда он расписался на последнем листе, ручка выскользнула из его пальцев и покатилась по горячему металлу.

Я молча собрала документы, аккуратно уложила их в папку и защелкнула замок.

— Паспорт его отдай, — негромко произнес Глеб, обращаясь к Тамаре.

Женщина молча выудила из кармана халата бордовую книжицу и швырнула её прямо в пыль под ноги Эдуарду.

— Прощай, Эдуард, — сказала я, открывая дверцу машины. — Надеюсь, мы больше никогда не пересечемся в этой жизни.

Я села в прохладный салон. Глеб обошел машину, сел за руль и завел двигатель. Мы медленно тронулись с места. Я смотрела в зеркало заднего вида. Эдуард стоял на коленях в пыли, сжимая в руках свой паспорт. Над ним, уперев руки в бока, возвышалась разъяренная Тамара, явно готовящаяся высказать ему всё, что она думает о неоплаченных счетах. Кармический круг замкнулся.

В машине повисла тишина. Я откинула голову на подголовник и закрыла глаза, чувствуя колоссальное, почти физическое облегчение. словно из моей груди вытащили ржавый гвоздь.

— Ты в порядке? — тихо спросил Глеб, не отрывая взгляда от дороги.

— Да, — я глубоко вздохнула. — Теперь да. Спасибо тебе. Если бы не ты, я бы...

Я не успела договорить. В сумочке, лежащей на моих коленях, резко завибрировал телефон.

Я достала аппарат. Сообщение от Максима. Сердце почему-то тревожно дернулось. Я разблокировала экран и вчиталась в строчки, которые мгновенно стерли всё мое облегчение.

«Мам, отец только что звонил мне с какого-то чужого номера. Он рыдал. Сказал, что ты наняла бандитов, чтобы отобрать у него всё, и что ты пытаешься его убить. Просил срочно перевести ему все мои сбережения на криптокошелек, чтобы он мог сбежать из страны. Мам, что происходит?! Почему он в таком ужасе?»

Воздух застрял у меня в горле.

Я подняла глаза на Глеба. Мои руки сжали телефон так сильно, что побелели костяшки. Эдуард, ползая в грязи с чужого телефона Тамары, нанес свой последний, самый подлый удар. Лишившись денег, бизнеса и статуса, он решил ударить по единственному, что у меня осталось. По моим детям. Играя на их сыновней жалости, он пытался выставить меня чудовищем.

Война за имущество закончилась. Началась война за самое дорогое. И в этой войне я не собиралась брать пленных.

Глава 12

В салоне внедорожника стало так тихо, что я отчетливо слышала мерный, едва уловимый гул климатической установки. Сообщение от Максима на экране смартфона казалось выжженным клеймом. Каждое слово — как удар наотмашь. «Мам, он рыдал... он просил денег... ты хочешь его убить...».

Я смотрела на эти буквы, и перед глазами всё плыло. Всего пять минут назад я чувствовала триумф. Я видела Эдуарда в пыли, раздавленного, лишенного зубов и когтей. Я верила, что поставила точку. Но этот человек, даже лежа в грязи, умудрился дотянуться до самого святого, что у нас было. До детей.

— Ника? — голос Глеба прозвучал низко и встревоженно.

Я молча протянула ему телефон. Мои пальцы были ледяными, несмотря на южную жару, бушующую за бронированным стеклом. Глеб быстро пробежал глазами текст. Его челюсти сжались так сильно, что на скулах заиграли желваки. Он не стал охать или выражать сочувствие — он сразу перешел в режим анализа.

— Он бьет по самому слабому звену, — Глеб вернул мне аппарат, его взгляд был жестким и прямым. — Ты перекрыла ему кислород, обрубил счета, выставила счета Коршунову. У него остался один ресурс — жалость Максима. Парень в Питере, далеко от эпицентра, он помнит отца как успешного бизнесмена, а не как вора из подвала Тамары. Эдуард это знает. Он пытается выдоить из собственного сына последние сбережения, прикрываясь страхом за жизнь.

— Это инфекция, Глеб, — я наконец обрела голос, хотя он и звучал так, будто я наглоталась битого стекла. — Он — ходячая инфекция. Я думала, что ампутировала его из своей жизни, но метастазы пошли глубже. Он готов разорить сына, лишь бы купить себе еще один день относительного комфорта.

Я понимала, что медлить нельзя. Максим — натура творческая, мягкая. Он пошел в деда, моего отца: архитектура, искусство, тонкие материи. Для него отец всегда был незыблемым авторитетом, оплотом стабильности. Если он сейчас переведет Эдуарду те деньги, которые я откладывала ему на обустройство студии, он останется ни с чем. И дело было даже не в сумме. Дело в том, что эта ложь сломает Макса навсегда.

Я нажала кнопку вызова. Сын ответил после первого же гудка.

— Мам? — голос Максима дрожал. Я почти видела его сейчас: взъерошенный, бледный, стоящий где-нибудь в коридоре академии. — Мам, господи, что происходит? Папа... он звонил с какого-то странного номера, там женщина какая-то на фоне орала, что время вышло. Он сказал, что ты наняла каких-то головорезов, что у него забрали всё, даже документы... Он просил прислать всё, что есть на карте. Сказал, что это вопрос жизни и смерти!

Я закрыла глаза, делая глубокий, медленный вдох. Мне нужно было стать хирургом. Прямо сейчас. Вскрыть этот гнойник, не взирая на то, как больно будет пациенту.

— Максим, послушай меня очень внимательно, — я старалась, чтобы мой голос звучал максимально спокойно, по-матерински тепло, но твердо. — Папа действительно в беде, но не в той, о которой он тебе рассказал. Никаких бандитов я не нанимала. Мы с ним разводимся. Вчера вскрылись факты... очень некрасивые факты. Он пытался украсть деньги с твоих и Алины счетов. Он обманул меня, обманул бабушку и пытался подставить клинику.

— Но он плакал, мам! — выдохнул Максим. В его голосе было столько отчаяния, что у меня защемило сердце. — Он никогда не плакал!

— Он плачет не по нам с тобой, Макс. Он плачет по своей потерянной кормушке, — я открыла глаза и посмотрела на дорогу. Мы уже выезжали из частного сектора, мимо проносились бесконечные кусты олеандров. — Человек, который звонил тебе, — это не тот отец, кото-

рого ты знал. Тот мужчина остался в твоих детских воспоминаниях. Сейчас с тобой говорил загнанный в угол манипулятор. Он просил деньги на криптокошелек?

— Да... сказал, что банки заблокированы из-за твоих исков.

— Именно. И если ты отправишь ему хоть рубль, ты просто спонсируешь его дальнейшее вранье. Никакой опасности для его жизни нет. Он стоит сейчас живой и невредимый во дворе одной предприимчивой дамы, которой он задолжал за жилье. Максим, я всё объясню тебе позже. Пришлю документы, если потребуется. Но сейчас — ничего не переводи. Просто заблокируй этот номер. Ты мне веришь?

В трубке повисла долгая, мучительная тишина. Я слышала только его прерывистое дыхание. В этот момент решалось всё: останется ли мой сын на моей стороне или Эдуард сумеет вбить клин между нами.

— Верю, — наконец глухо отозвался Максим. — Просто... это всё так дико, мам. Как будто мир перевернулся.

— Мой мир перевернулся еще вчера утром, родной. Держись. Я скоро позвоню.

Я отключилась и почувствовала, как силы покидают меня. Телефон выпал из рук на кожаное сиденье. Глеб, не отрывая взгляда от дороги, накрыл мою ладонь своей. Его рука была горячей и тяжелой. Этот простой жест заземлил меня, не давая соскользнуть в истерику.

— Ты всё сделала правильно, — негромко произнес он. — Он — паразит. А паразиты всегда пытаются зацепиться за самое нежное.

— Он звонил с телефона Тамары, — я посмотрела на Глеба. — Значит, она его еще не вышвырнула?

— Вышвырнула, — Глеб покачал качнул головой. — Мои ребята остались там «присмотреть». Как только мы отъехали, она выкинула его за калитку. Но, видимо, позволила сделать один звонок в обмен на его золотые запонки или еще какую-то мелочь, которую он утаил. Теперь он на улице. Но есть кое-что поважнее, Ника.

Я внутренне подобралась.

— Юлия. Твоя служба безопасности зафиксировала попытку входа в маркетинговую базу санатория под её старым паролем. Видимо, Эдуард в свое время дал ей расширенные права доступа, а мы в суете не успели обновить все уровни защиты для рядового персонала.

— Она не у Тамары?

— Нет. Она исчезла, как только я прижал того амбала Коршунова во дворе. Видимо, девочка сообразила быстрее Эдуарда, что корабль тонет, и нужно спасать шкуру. Причем спасать выгодно.

Через полчаса мы въехали на территорию «Морской жемчужины». У входа в главный корпус пышно цвели розы сорта «Пьер де Ронсар» — огромные, кремово-розовые чаши, напоминающие старинные гравюры. Их аромат, густой и сладкий, обычно успокаивал меня, но сегодня он казался слишком приторным, как ложь Эдуарда.

Я шла по коридорам, чувствуя на себе взгляды сотрудников. Шепотки за спиной стали тише, но не исчезли. Теперь в них слышалось не только любопытство, но и страх. Коллектив чувствовал: хозяйка вышла на тропу войны.

В кабинете меня уже ждал отчет службы ИТ. Попытка входа была заблокирована системой, но сам факт говорил о многом. Юлия не просто убегала — она пыталась забрать с собой «приданое».

Я села в кресло, придвинула к себе ноутбук и набрала номер Алины. Дочь в Дубае была на три часа впереди.

— Мам? — Алина ответила сразу. Её голос был бодрым, деловым — она всегда была моей маленькой копией, только с еще более острыми зубами. — У тебя всё хорошо? Я видела сообщение в семейном чате, но Максим мне только что переслал какую-то дичь про отца.

— Алина, слушай...

Я рассказала ей всё. Без прикрас, без попыток смягчить углы. Алина слушала молча, лишь изредка переспрашивая детали о юридической стороне дела. Когда я закончила, она выдала реакцию, которой я не ожидала, но которой втайне гордилась.

— Мам, если честно, я не удивлена, — холодно произнесла дочь. — Ты последние два года жила в какой-то розовой дымке, а я видела, как он ведет себя на общих ужинах. Его «инвесторы» пахли женским парфюмом, а отчеты, которые он мне показывал «просто так», были шиты белыми нитками. Я не говорила тебе, потому что видела, как ты счастлива. Думала, может, мне кажется.

— Значит, ты знала? — я почувствовала укол боли.

— Я подозревала, что он зажрался, — отрезала Алина. — Но то, что он полез в наши счета — это уже за гранью. Мам, не смей давать ему ни шанса. Если нужно, я подключу наших юристов здесь, мы проверим его возможные офшоры. И за Макса не переживай, я ему сейчас мозги вправлю. Он у нас романтик, но я напому ему, на чьи деньги он покупает свои дорожные маркеры для черчения.

Я положила трубку, чувствуя, как по венам разливается странная, горькая гордость. Моя дочь выросла хищницей. И сейчас это было именно то, что нужно.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошел Глеб. Его лицо было непроницаемым, но в руках он сжимал планшет.

— Ника, посмотри, — он положил гаджет на стол и запустил видео. — Камеры наружного наблюдения клиники «Золотые пески». Это главный офис Коршунова.

На экране, в зернистом ч/б изображении, я увидела знакомую фигуру. Юля. На ней были темные очки и большой платок, повязанный на голову, но я бы узнала эту походку из тысячи. Она уверенно шла к центральному входу конкурентов. В руках она прижимала пухлую кожаную папку — ту самую, которую Эдуард всегда держал в своем сейфе «для особо важных дел».

— Видео снято пятнадцать минут назад, — Глеб встал рядом со мной, и я почувствовала, как от него исходит волна холодной ярости. — Её пустили без очереди. Судя по тому, как её встретили, Коршунов ждал именно её.

Я смотрела на экран, и в моей голове окончательно сложилась мозаика. Юля не была просто любовницей. Она была запасным планом Эдуарда, а теперь стала самостоятельным игроком. В той папке были не просто документы. Там был реальный компромат на наши закупки лекарств через посредников — серые схемы, которые Эдуард выстраивал годами, убеждая меня, что так «быстрее и выгоднее».

— Она принесла ему мою голову на блюде, Глеб, — тихо произнесла я, поднимая на него взгляд.

— Значит, мы сделаем так, чтобы Коршунов этой головой подавился, — Глеб коснулся моего плеча. — У нас есть фора. Пока они будут изучать документы, мы нанесем удар первыми. Но теперь ты должна понимать: Эдуард — это только начало. Настоящая война начинается сейчас.

Я кивнула, глядя на застывший кадр на экране. Розы в вазе на моем столе начали ронять лепестки, но я этого не замечала. Внутри меня больше не было боли. Только ледяное, расчетливое желание стереть в порошок каждого, кто посмел тронуть мою семью и мой дом.

Глава 13

Чернильный мрак за окном кабинета казался густым и липким, как мазут. В свете монитора лицо Глеба выглядело еще более суровым, глубокие тени залегли в складках возле рта. На экране замер стоп-кадр: Юля, поправляющая платок, заходит в логово Коршунова.

— Она принесла ему «черный ящик», Глеб, — я потерла виски, чувствуя, как под кожей пульсирует тупая, изматывающая боль. — Там не только базы. Там отчеты по закупкам медикаментов за последние три года.

Глеб медленно повернулся ко мне, не разрывая визуального контакта. В его взгляде не было осуждения, только холодный расчет, который сейчас был мне нужнее любых слов утешения.

— Рассказывай. Без купюр. Что именно Эдуард заставил тебя подписать?

Я горько усмехнулась, глядя на свои руки. Пальцы казались чужими.

— Он убеждал меня, что мы «оптимизируем налоги», чтобы быстрее выкупить новое оборудование. Говорил, что через фирмы-прокладки томографы и реагенты обходятся дешевле на сорок процентов. Я верила. Господи, я просто хотела, чтобы в «Жемчужине» была лучшая лаборатория на побережье. Я подписывала счета, не глядя в названия поставщиков. Эдуард был моим мужем, Глеб. Я и представить не могла, что он подкладывает мне под руки не документы, а медленно тикающую бомбу.

— Коршунов не дурак, — Глеб отошел к окну, вглядываясь в ночной сад, где в свете прожекторов покачивались тяжелые алые гроздья роз сорта «Дон Жуан». — Он не побежит в полицию завтра утром. Эти документы для него — поводок. Он придет к тебе с предложением, от которого ты «не сможешь отказаться». Либо ты отдаешь ему контрольный пакет «Жемчужины» за копейки, либо он сливает кейс о контрабанде лекарств в прокуратуру.

— Я не отдам ему клинику, — мой голос прозвучал неожиданно твердо, почти стально. — Лучше я сама её сожгу.

— Сжигать не придется. Но нам нужен тот, кто строил этот фундамент до того, как в него вгрызся твой термит-переросток. Поехали, Ника.

— Куда? Сейчас три часа ночи.

— К твоему отцу. Если кто и знает, как выбить табуретку из-под ног Коршунова, то только Павел Петрович.

Дорога к родительскому дому заняла не более пятнадцати минут, но они показались мне вечностью. Южный воздух, пропитанный солью и ароматом ночной фиалки, врывается в приоткрытое окно, но я не могла дышать. В голове крутились воспоминания: Эдуард, три года назад, на этой самой террасе. Он обнимает меня за плечи, подносит бокал вина и мягко подсовывает папку. «Просто формальность, Никуш. Подпиши, и завтра у нас будет новый аппарат УЗИ». Я тогда еще поцеловала его в щеку, радуясь, какой он у меня хваткий. Дура. Какая же я была беспросветная дура.

Усадьба отца встретила нас тишиной и запахом старого камня. Павел Петрович ждал нас в библиотеке. Несмотря на час, он был в свежей рубашке, хотя и не застегнул верхнюю пуговицу. На столе стоял нетронутый стакан чая в серебряном подстаканнике.

— Заходите, — коротко бросил он, кивнув Глебу как старому соратнику. — Видел видео. Юлька — девка пустая, но жадная. Она не просто так к Валерке побежала.

Я медленно опустилась в кресло..

— Я подвела тебя, пап, — произнесла я, чувствуя, как кожа кресла холодит пальцы. — Я смотрела ему в рот, пока он обкрадывал нашу репутацию. Эдуард подкладывал мне счета на подпись, как конфеты в красивых обертках. А внутри была гниль. Теперь эта гниль в руках у Коршунова.

Отец медленно поднялся, подошел к книжному стеллажу и достал тяжелую папку, обтянутую синим бумвинилом. Он положил её на стол перед Глебом.

— В этом мире, Ника, всегда есть те, кто строит, и те, кто паразитирует. Я не говорил тебе раньше, не хотел разрушать твою картинку «счастливой жизни», но я никогда не доверял Эдику до конца. Твой муж всегда был слишком падок на быстрые деньги. Три года назад, когда вы начали закупать реагенты через тех посредников, я нанял независимого аудитора. Тихо. Без уведомления вашего офиса.

Я замерла, глядя на папку.

— И что там?

— Там доказательства того, — отец посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде была такая бесконечная любовь и скорбь, что у меня перехватило дыхание, — что инициатива серых схем исходила исключительно от Эдуарда. Он не «экономил» деньги клиники. Он выставлял нам счета по рыночной цене, а разницу между официальной ценой и «серой» закупкой выводил на свои счета. То, что сейчас у Коршунова — это лишь верхушка айсберга. Валера думает, что держит тебя за горло, но он не знает, что Эдуард обманывал и его тоже.

Глеб быстро пролистал документы, его глаза профессионально выхватывали цифры и печати.

— Коршунов рассчитывает на эффект внезапности, — Глеб захлопнул папку. — Он уверен, что Вероника Павловна испугается проверки СЭС или налоговой и отдаст ему контрольный пакет акций в обмен на молчание.

— Что мы будем делать? — спросила я, чувствуя, как внутри зарождается странное, почти холодное предвкушение.

Отец оперся руками о стол.

— Мы применим тактику выжженной земли, дочь. Мы не будем ждать его звонка. Завтра в девять утра твой адвокат подает заявление в налоговую инспекцию и прокуратуру о «добровольном выявлении внутренних финансовых махинаций». Мы сами заявим о нарушениях. Да, нам впают огромный штраф. Да, репутация немного качнется. Но! После этого Коршунов со своей папкой пойдет не в прокуратуру, а по известному адресу. Его компромат станет мусором, потому что органы уже будут работать по нашему заявлению. Шантаж — это оружие, которое стреляет только в тишине. Мы поднимем такой шум, что Валера оглохнет.

Я посмотрела на отца, потом на Глеба. В библиотеке пахло старой бумагой и надеждой.

— Это риск, — прошептала я. — Нас могут закрыть на время следствия.

— Не закроют, — отрезал отец. — Ты — лучший врач побережья. Твой санаторий — градообразующее предприятие. Мы выплатим всё до копейки, но останемся свободными.

Я кивнула. Решение было принято.

Дорога обратно в санаторий прошла в молчании. Небо на востоке уже начало светлеть, приобретая грязновато-лиловый оттенок. Море казалось свинцовым, тяжелым. Глеб остановил машину у входа в административный корпус.

— Твой муж сейчас в «Голубом прибое», — вдруг сказал он, не глуша мотор. — Это дешевый мотель на трассе. Тамара выставила его через час после того, как мы уехали. Его не хотели пускать — от него несет подвалом и гнилью, а наличных у него нет. В итоге он отдал свои часы за право переночевать в номере без горячей воды.

Я представила Эдуарда в дешевом номере с казенными простынями. Человека, который морщился, если в ресторане подавали вино неправильной температуры.

— Мне его не жалко, Глеб. Совсем.

— И правильно, — он повернулся ко мне. Его рука легла на спинку моего сиденья, почти касаясь моих волос. — Он совершил роковую ошибку. Он решил, что ты — это его собственность. А собственность не умеет кусаться.

Мы стояли в ночном саду. Аромат роз сорта «Дон Жуан» стал гуще, слаще, почти одурманивающим. Глеб смотрел на меня так, словно видел не только мою броню, но и ту маленькую испуганную девочку, которой я была три часа назад.

— Иди, поспи хоть пару часов, — тихо произнес он. — В девять утра начнется цирк.

Я вышла из машины и долго смотрела, как красные габаритные огни его внедорожника растворяются в утреннем тумане.

Утро наступило внезапно. В девять ноль-ноль я уже сидела в своем кабинете. На столе стоял свежий кофе, но я к нему не притронулась. Мой рабочий телефон завибрировал на столе, извещая о входящем видеозвонке с неизвестного номера.

Я нажала «принять».

На экране появилось холеное, лоснящееся лицо Валерия Коршунова. Он сидел в своем роскошном кабинете, обшитом панелями из зебрано. За его спиной, словно дорогая декорация, стояла Юля. На ней был новый шелковый платок, а в глазах светилось торжество пополам с плохо скрываемой злобой.

— Доброе утро, Вероника Павловна, — маслянисто улыбнулся Коршунов. — Надеюсь, вы хорошо спали? Потому что у меня для вас есть новости, которые могут испортить ваш аппетит.

Он похлопал ладонью по кожаной папке, лежащей перед ним на столе.

— Ваша... помощница принесла мне весьма любопытные документы. Кажется, ваш муж, Эдуард Викторович, вел дела не совсем чисто. Контрабанда лекарств, поддельные счета, уклонение в особо крупных... Вы понимаете, что это значит? Репутация «Морской жемчужины» лопнет как мыльный пузырь, а вы смените этот кабинет на камеру.

Юля за его спиной самодовольно кивнула, победно глядя в камеру.

— Однако я человек миролюбивый, — продолжил Коршунов. — Я предлагаю обсудить цену вашего спокойствия. Перепишите на меня пятьдесят один процент акций санатория по номиналу, и эта папка... исчезнет. У вас есть час на раздумья. После этого я нажимаю кнопку «отправить» в сторону областной прокуратуры.

Я смотрела на него через экран монитора. Тишина в моем кабинете стала почти звенящей. Я видела, как Юля предвкушает мою истерику, как Коршунов ждет, когда я начну торговаться.

И тут я не выдержала.

Сначала это был просто смешок, но через секунду я уже смеялась в голос — искренне, до слез, откидываясь на спинку кресла.

— Вы... вы смеетесь? — Коршунов опешил, его лицо пошло багровыми пятнами. — Вы понимаете серьезность ситуации?!

Я вытерла выступившую слезу и подалась вперед, глядя прямо в камеру.

— Валерий Игоревич, простите. Просто вы так опоздали. Ровно пятнадцать минут назад мой адвокат в присутствии двух свидетелей сдал в канцелярию прокуратуры и налоговой инспекции полное признание о выявленных финансовых махинациях бывшего генерального директора. С приложением всех «серых» контрактов.

Улыбка Коршунова медленно сползла с его лица, открывая истинное выражение — потерянное и злое. Юля за его спиной вздрогнула и отступила на шаг.

— Мы инициировали добровольный аудит, Валерий, — продолжила я ледяным тоном. — Так что ваша папка теперь — просто макулатура. Органы уже в курсе. И я очень сомневаюсь, что они обрадуются вашему визиту с «краденными документами». Скорее всего, вам зададут вопрос, почему вы скрывали факт преступления и пытались использовать его для шантажа.

Я увидела, как у Коршунова задергался глаз.

— Вы блефуете! Вы не могли... Вы же сами пойдете под суд!

— Я пойду как свидетель и пострадавшая сторона, — я улыбнулась своей самой профессиональной улыбкой. — А вот Эдуард... Эдуард сядет. И Юля, кстати, тоже — как соучастница, ведь она работала в отделе маркетинга и визировала часть этих липовых отчетов.

Юля побледнела до синевы, её рот смешно приоткрылся.

— Хорошего дня, господа, — сказала я и нажала на кнопку отбоя.

Я откинулась в кресле и закрыла глаза. Мои руки больше не дрожали. Первый раунд был выигран вчистую. Но я знала: Коршунов не простит унижения. А Эдуард... Эдуард только что перестал быть моим мужем и окончательно превратился в мишень.

В дверь постучали. Коротко. По-хозяйски.

— Можно? — раздался баритон Глеба.

Я открыла глаза. Он стоял на пороге, и в его руках был не планшет, а огромная охапка цветов. Но не роз. Это были простые, пахнущие полем и свободой ромашки.

— С победой, Вероника, — сказал он.

И в этот момент я поняла: ампутация прошла успешно. Пациент будет жить. И, кажется, эта жизнь будет гораздо интереснее прежней.

Глава 14

Огромная охапка ромашек на моем столе выглядела почти вызывающе. Простые белые лепестки с ярко-желтыми сердцевинами, пахнущие июльским лугом и разогретой солнцем травой, — они никак не вязались со стерильной белизной моего кабинета и тем более с тем холодным пожаром, который я только что устроила в прямом эфире для Коршунова.

Глеб стоял у окна, скрестив руки на груди. Солнце золотило его затылок, и в этом свете он казался еще более массивным, надежным. Я смотрела на его широкую спину и чувствовала, как внутри меня медленно, по капле, тает ледяной панцирь.

— Ромашки? — я чуть улыбнулась, проводя пальцами по шерша

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.